

АЛЕКСАНДР
ПРОЗОРОВ

ВЕДУН

ВЕДЬМИНА РЕКА

Ведун

Александр Проzorov

Ведьмина река

«Автор»

2013

Прозоров А. Д.

Ведьмина река / А. Д. Прозоров — «Автор», 2013 — (Ведун)

ISBN 978-5-699-66357-6

Ради избавления мира от малолетней злой колдуньи, известной как Девочка Сирень, Олегу Середину снова приходится вернуться во времена былинной Руси. Казалось, всего-то и нужно, что доехать с опасной пленницей от Тверцы до Печоры... Откуда Ведуну было знать, что именно здесь, в таинственных дебрях древнерусских лесов, ему придется применить все свои навыки и умения? Не чураться ни чародейства, ни хорошей сечи на мечах. И уж совсем Олег не мог предполагать, что главным его врагом станет отнюдь не юная ведьма...

ISBN 978-5-699-66357-6

© Прозоров А. Д., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Пролог	5
Ушкуй	9
Плохая примета	25
Божий суд	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Прозоров

Ведун. Ведьмина река

Пролог

Никаких ушкуев, богатырей и капищ из кабины вертолета девушки, разумеется, не увидели. Лупоглазый, как стрекоза, легкий двухместный аппарат мчался низко над густым зеленым ковром древесных крон, изредка разрываемых проблесками рек и озер, а иногда и золотистыми хлебными полями. Местами зелень смешивалась с отблесками в единое целое. Оля догадывалась, что это, скорее всего, заросшие осокой и мхом болота, но ее опыта полетов пока не хватало, чтобы с ходу отличить плавни от сухостоя или березняк от затененных облаками лугов, ненадолго утративших свое буйное дикое разноцветье.

Здесь все было диким: нетронутые чащобы, некошенные луга, не перетянутые сетями разливы. Поля, огороды окрест редких деревенок, пыльные грунтовые дороги встречались настолько редко, что казалось – они попали куда-то на необитаемую планету, а не в самый густонаселенный район страны.

Хотя, конечно, может быть и так, что Роксалана специально выбирала для полета местность поглуше, вдалеке от автострад и крупных райцентров. Как помнила Оля – получать разрешение на полет для малой авиации настолько муторно, что никто из пилотов этим вопросом просто не заморачивается. Им главное было в запретную зону не влететь, да особого внимания к себе не привлекать. Поскольку медведи да лоси, известное дело, жалобы пишут редко – над ними в основном и летают.

– Название-то какое: Лапти! – неожиданно усмехнулась Роксалана. – Как специально выпендрились!

Ольга глянула на экранчик навигатора и увидела рядом с красным флажком название населенного пункта. Судя по тому, что он выполз из-под рамки на монитор, они уже подлетали к цели.

– Ва-аленки-валенки, не подшиты, стареньки... А вот и Лапти!

Под вертушкой резко оборвался край леса, стремительно промелькнула одинокая кирпичная колокольня без церкви, несколько разделенных ровными полосами кустарника лугов, и впереди показался одинокий яркий домик: синяя крыша, желтые стены, белые наличники, красные дорожки, зеленый штакетник.

– Прямо елочная игрушка... – удивленно пробормотала девочка.

– Сказку про пряничную избушку не забывай, – заметила Роксалана, перекладывая штурвал.

Она описала вокруг хутора широкий разворот, выбрала утоптанную площадку подальше от стогов сена и плавно опустила вертушку на нее. Защелкала выключателями, отстегнулась, поправила волосы перед зеркальцем, огладила свой латексный облегающий комбинезон и выпрыгнула из кабины. Ольга, чуть задержавшись из-за заевшего замка ремня, выбралась на несколько секунд позднее и побежала следом: миллионерша даже не оглядывалась, мало заботясь проблемами своей невольной прислуги.

Однако, как девушка ни торопилась, хозяин все равно успел выйти к калитке навстречу гостям. Он был невысок, плечист, совершенно лыс, крупнонос и одет в вытертую полосатую рубаху, выпущенную поверх штанов. Ольга дала бы ему на вид лет сорок – если бы не глаза. Глаза мужчины были совершенно блеклыми, выцветшими. Зрачки напоминали два бельма с проделанными в них черными дырочками.

– Доброго вам дня! – бодро поздоровалась Роксалана, взявшись за ручку калитки, потянула, но калитка не поддавалась.

– И вам только хорошего желаю, красавицы, – несколько кривовато ухмыльнулся хозяин.

– Мы ищем Ефрема Лапотникова, – миллионерша оглянулась на Олю. – Не подскажите, где его найти можно?

– Вы его нашли, – кивнул мужчина.

– Ага... – Роксалана поняла, что пускать ее на двор хозяин не собирается, но не смутилась, сдернула с шеи девочки кулон в виде медной змейки с рубиновыми глазами, показала мужчине: – Мне сказали, что вы можете дать совет...

– Нет, – отрезал Ефрем.

– Вы меня даже не дослушали!

– А чего тут слушать, коли гости на вертолете примчались и амулет защитный кажут? – Мужик положил локти на запертую калитку. – Понятно, что чародею умелому напакостить задумали. Так я, девочки, никому вредить не стану. Ни колдуну, ни нежити, ни человеку смертному. Я ноне токмо откупаюсь, нави у меня и без того в избытке. Свою чашу давно до краев наполнил, за вечность не иссушить.

– Так я никому вреда не хочу, – обрадовалась миллионерша. – Я только хорошего всем желаю. Жених мой любимый невесть куда провалился. Соединиться с ним хочу, вослед отправиться.

– Коли жених твой, отчего амулет не тебе, а иной девице оставил? – указал на Олю Ефрем.

– У деточки имеется дурная привычка примерять чужие игрушки. – Роксалана повесила амулет себе на шею.

– Бывает, – усмехнулся хозяин цветастого домика. – Всякое бывает. Но ты не беспокойся. На амулет глядячи, точно тебе скажу, что надолго желанный твой уходить не собирался. Вскороости вернется. Тогда и соединитесь.

– Я соскучилась, добрый человек, – призналась миллионерша. – Вся душенька извелась, мочи нет. Помогите!

– Такого амулета дураку не сотворить, – покачал головой Ефрем. – Коли не взял, ничего хорошего тебя там не ждет. Смирись и наберись терпения.

– Я заплачу!

– Чем? – заинтересовался хозяин. – Молодость отдашь али красоту?

– Зачем сразу так? – моментально снизила тон Роксалана. – Могу и просто деньгами. Я девочка не бедная.

– На что мне твои деньги, милая? – Мужчина пригладил ладонью лысину. – Чтобы у меня их не половина комнаты лежало, а под потолок? Есть их никак, пить тоже не выходит. Жизни они не добавляют, здоровья от них больше не становится, радости тоже никакой. Даже в печи и то толком не горят. Токмо место зазря занимают. Коли платить собралась, так хоть цену такую предложи, чтобы интересная была.

– Хочешь, я тебе новенький дом вместо этого построю? В десять раз больше старого!

– Я в этом доме каждую дощечку своими руками прибивал, красавица, каждую стропилину сам клал, каждую половицу помню. Он мне нравится. На что мне другой?

– Так ведь можно не сносить, можно новый рядом поставить!

– Спаленка у меня в этом есть, горница тоже имеется. Молельня есть, кухня есть. Чего еще от дома нужно? На что мне еще второй? Семьи у меня нет, детей не жду... Или ты мне женой любящей станешь и ребеночка родишь?

– Могу организовать! – моментально сориентировалась Роксалана.

– Что организовать? Жену любящую и дитятку желанного? Откуда?

– Ну, у нас есть закон... э-э... о суррогатном материнстве... – попыталась объяснить миллионерша.

– Да оно ведь все суррогатное, коли за серебро покупается. Кто силу за деньги купить надеется, кто здоровье, кто любовь, кто года лишние. Да токмо разве хоть кому сие удавалось? Настоящая сила приходит, коли сам дрова колешь, сосны валишь, косой на лугу машешь. Настоящее здоровье в лесу вдыхаешь, в тумане утреннем, на берегу озера рассветного. Любовь настоящую в страдании души растишь, года настоящие деяниями, а не днями считаешь. А у вас что? Токмо суррогаты и остались...

Ефрем отступил и по выложенной кирпичом дорожке отправился к дому. Роксалана дернула калитку, заглянула внутрь, не увидела засова и попыталась перелезть, но потеряла равновесие и свалилась наружу.

– Ты хоть знаешь, что такое «суррогаты», мужик? – поинтересовалась тем временем Ольга.

Хозяин остановился, оглянулся:

– Я выгляжу таким диким или старым?

– Для колдуна? Да нет, очень даже ничего, – пожала девочка плечами. – Но разве колдуны такими словами пользуются?

– Мир меняется, дитя. – Ефрем подошел обратно к калитке. – И те, кто смог уцелеть, меняются вместе с ним.

– Тут есть вай-фай?

– Нет. Но тут бывают люди, что приезжают за здоровьем, силой, годами и любовью. – Хозяин потер свой большущий, картофелиной, нос согнутым пальцем и снова оперся локтями на калитку. – Когда они пытаются купить что-то похожее в городах за деньги, то вместо всего этого им дают таблетки. Поэтому про суррогаты я слышу довольно часто.

– А ты можешь дать настоящее?

– Нет, настоящее человек может получить только сам. Но мои суррогаты приезжим нравятся намного больше городских. Они все же от живой земли рождаются, а не от мертвечины железной. Подойди ближе, – поманил девочку хозяин.

Ольга послушалась, подступила к калитке, взялась руками за гладкие от масляной краски кончики штакетин. Ефрем придержал ее пальцами за подбородок, наклонился ближе, заглядывая в глаза:

– Да тебя, вижу, сюда не по своей воле занесло, а по случайности? Коли так, то три желания, по обычаю, исполнить тебе должен. Сказывай, чего хочешь?

– Не знаю, – пожала плечами Оля. – Чтобы все у всех всегда было хорошо.

– За всех пусть боги беспокоятся, дитя, – рассмеялся лысый мужик. – Давно уже они с этим маются, да все без толку. Для себя проси.

– Для себя? – Девочка опасливо глянула на Роксалану. – Денег, здоровья, любви!

– Суррогаты... – шепотом сказал Ефрем. – Не забывай, от меня ты можешь получить только суррогаты. Таблетки вместо здоровья, койку в больнице вместо жизни, приживалку вместо поклонника. Не ошибись. Захочешь слишком многого, получишь только боль. Поскольку подарок сделать хочу, на первый раз пожалею, желаний не услышу. Придумай те, о которых не пожалеешь.

– Разве деньги могут быть суррогатными? – засмеялась миллионерша.

Мужик сунул руку в карман, пошарил и достал пятирублевую монету. Показал миллионерше:

– Это тоже деньги. Могу отдать, и тогда первое из желаний окажется исполненным.

– Миллиард евро! – выпалила Роксалана. Ефрем ехидно ухмыльнулся, и миллионерша испуганно вскинула руки: – Нет, не нужно! Прости, колдун, долго соображаю. Пусть папа живет. По наследству богатеть не хочу.

Ольга сжала кулак. Девочка поняла, что накладки с желаниями могут случиться неожиданные и даже весьма неприятные. И потому лучше не рисковать.

- Мне нужно подумать, – сказала она.
- Смотри сюда, – поймал ее прядь хозяин цветастого домика, вытянул, завязал узелком, вторым, третьим. – Задумаешь желание, развяжи узелок. Оно исполнится.
- Чародей вскинул прядь вверх. Она дернулась, упала – и оказалась чистой и гладкой.
- Они распустились! – возмутилась девочка.
- А ты что, волосы никогда не расчесываешь? – усмехнулся Ефрем. – Зачем тебе на них колтуны? Не бойсь. Когда захочешь развязать, узлы вернутся.
- Теперь я, – отодвинула Олю Роксалана. – Хочу оказаться рядом со своим Олегом!
- Желания полагаются случайным путникам, а ты приехала специально, – подмигнул ей мужчина. – С тебя и спрос другой. Но то, что ты чародея своим назвала, мне понравилось. Значит, врешь всего лишь наполовину.
- Я вообще не вру!
- Он твой жених?
- Ну ладно, – поморщилась миллионерша. – Наполовину. Так ты можешь отправить меня к нему или вытянуть его сюда?
- Конечно, могу! – размашисто кивнул лысый. – Но не буду. Не хочу навредить.
- Черт! А поговорить с ним хотя бы можно?
- О-о, как раз это проще простого, – ответил Ефрем и ткнул пальцем в змейку: – Это ведь оберег, он защищает своего владельца. Но не абы как, а силой создавшего его колдуна. Когда возникает опасность, кудесник дотягивается сюда, чтобы спасти хозяйку оберега. В этот момент с ним можно говорить так же запросто, как если бы он стоял рядом. Только делай это быстро-быстро. Как только чародей управится, он исчезнет снова.
- Ну, хоть что-то... – Роксалана, прикусив губу, уже о чем-то думала.
- Половина правды – половина желания, – пожал плечами лысый.
- И на том спасибо, добрый человек.
- И вам спасибо, что не забываете. – Ефрем отступил и двумя пальцами указал на калитку: – Без приглашения войти в нее невозможно.
- Не очень-то и хотелось.
- Я знаю, – рассмеялся хозяин. – Но вы все равно не рискуйте. В одной из моих чаш еще осталось место.
- Пойдем, – показала на вертолет Роксалана и, как всегда, первой рванула вперед.
- Про какие чаши он говорит? – семена следом, спросила Оля.
- Добро и зло. Он натворил слишком много гадостей и теперь боится, что сотворенное в жизни испортит будущую судьбу... – рассеянно ответила миллионерша, снова думая о чем-то своем. – Давай, подруга, подождем баланс. На сегодня у нас есть два мага-клоуна, которые умеют только щеки надувать, два реальных колдуна, которые боятся с Олежкой связываться, и одна ведьма со сломанной челюстью. Судя по статистике, нам проще всего подождать, пока бабка снова сможет разговаривать, чем тратить время и бабло на поиски очередного черно-книжника и опять обламываться. Шарлатанов развелось, как собак нерезаных. Ладно, потерпим. Сентябрь не за горами. Полетели домой.

Ушкуй

Больше всего Олег опасался, что под Сиренью проломятся сходни. Ведь с виду лесная ведьма казалась хрупкой девочкой лет четырнадцати, с длинными соломенными волосами и только-только начавшей развиваться грудью. Потому корабельщики и бросили для нее на причал тощий старый трап из трех скрученных вместе трухлявых слег всего лишь в руку толщины. Однако под наведенным на ожившую куклу мороком скрывался железный скелет, который ведун отковал собственными руками, да еще изрядное количество намоленной земли из деревенского святилища – так что на самом деле «дитя» весило никак не меньше его самого, а то и поболее.

Но нет, слеги хрустнули, однако выдержали, и Сирень благополучно перебежала с причала на носовую надстройку, прошла по скрипящим доскам на самый нос и крепко вцепилась пальцами в высокий борт. Так крепко, что на древесине наверняка останутся вмятины – то, что казалось смертным тонкими пальчиками, на самом деле являлось крюками из прочной каленой стали. Ковать заведомо хлипкие кости Середин счел ниже своего достоинства. Все, что он делал, делал всегда на совесть.

– Располагайтесь! – небрежно бросил наголо бритый парень лет двенадцати, одетый в серую домотканую рубаху и такие же простенькие полотняные порты.

Он споро вытянул сходни, пристроил их у борта, привязал сыromятными ремнями, чтобы не болтались в пути, отвернулся, не удостаивая пассажиров своим вниманием, спрыгнул вниз, на настил над гребными банками. Похоже, юноша невероятно гордился статусом корабельщика и всячески старался продемонстрировать свое превосходство «сухопутным крысам».

Надо сказать, остальная команда ушкуя была парню под стать. Из полутора десятков корабельщиков больше половины оказались безусыми мальчишками, вряд ли дотягивающими до шестнадцати лет, а еще пятеро выглядели старцами под семьдесят, седовласыми и длиннородыми. Правда, в отличие от мальчишек, старики имели, как говорится, «косую сажень в плечах» и бугрящиеся мышцами руки, ничем не уступающие рукам самого ведуна. Да оно и понятно: жизнь на веслах зело способствует активному физическому развитию.

Слабосильная команда управлялась с очень даже приличным по размерам судном. Речной ушкой, ныне стоящий со снятой мачтой, имел в длину шагов двадцать, не менее, и примерно две маховые сажени¹ в ширину. У него было шесть гребных банок – на шесть пар весел – и две обшитые тесом надстройки, на носу и на корме... Впрочем, для ушкуев понятие носа и кормы весьма относительное. Эти суда умеют уверенно двигаться в любую сторону, хоть вперед, хоть назад. Крупному речному кораблю иначе никак: не на всяком русле можно развернуться, коли к далеким селениям вверх по протоке заберешься.

Грубо сделанные надстройки предназначались явно не для людей – больно низкие, не выпрямиться, – а для груза, дорогих товаров, боящихся сырости и жары. Однако значительная часть добра лежала там, где обычно и хранилась на стругах, шняках, кочах и прочих карбасах: под лавками и посередине палубы, между сидящими вдоль бортов гребцами. В итоге получалось, что своими размерами ушкой даже превышал грузовую фуру из двадцать первого века, но товара перевозить мог в лучшем случае половину, если и вовсе не треть грузовика.

Впрочем, если попытаться перевезти то же самое на повозках – их понадобится штук сорок. А к ним – столько же лошадей и столько же возчиков. И хорошая дорога. Кораблям же дороги испокон веков самими богами проложены: гладкие и самодвижущиеся, без выбоин и колеи. Только успевай на поворотах к стремнине подгребать.

¹ Маховая сажень – расстояние между концами средних пальцев раскинутых рук. У Олега это примерно 180 см. (Здесь и далее – примечания автора.)

Чего не имелось на ушкуях – так это места для людей. Для товара, весел, мачты, парусов, даже сходен пространство предусмотрено было. А вот как будет выкручиваться команда – судостроителей, похоже, не интересовало. Но, насколько знал Середин, никто из корабельщиков никогда не роптал. Даже за аскетизм свою жизнь не считали. Нет удобств – и не надо.

– Ладно. Будем считать, что наша каюта здесь, – решил Олег, скинув на палубу надстройки тяжелый заплечный мешок. – Интересно, на ночь останавливаться будем или на досках спать придется?

Спросить было некого. Купец – низкорослый крепыш с короткой курчавой бородкой – приплясывал на причале из расколотых вдоль сосновых бревен, о чем-то оживленно беседуя с солидного вида толстяком, несмотря на жару, одетым в медвежью шубу. Не иначе – с боярином. Кто еще ради демонстрации достоинства в такую жару в шубе париться станет?

Наконец мужчины о чем-то договорились, ударили по рукам. Крепыш коротко, с важностью поклонился, прижав ладонь к груди, развернулся, ловко спрыгнул с причала в самую середину глубоко осевшего в воду ушкуя, пробежал по скамьям гребцов к носовой надстройке, на которой стояли ведун и маленькая ведьма, крутанулся:

– Отваливаем!

Корабельщики зашевелились. Большинство расселись по гребным банкам, подняли вверх лопасти уложенных вдоль бортов весел. Два паренька сдернули веревочные петли с причальных быков, затягивая их на борт, руками отпихнули толстый и прочный настил причала. Ушкуй медленно, словно лениво, стал отползать на стремнину. Когда расстояние увеличилось до нескольких шагов, гребцы опустили весла, отпихиваясь уже ими. Ведун повернулся лицом вперед, глядя, как толстый деревянный киль взрезает весело зажурчавшую воду... И оказалось, что ошибся.

Крепыш, засуетившись рядом, вдел в веревочную петлю короткое весло с широкой лопастью, опустил вниз, развернулся, наваливаясь на верхнюю поперечину, корабль вздрогнул от слитного общего гребка, и из-за сильного рывка Олег едва удержался на ногах. Ушкуй начал разгоняться совершенно в другую сторону – ведун со своей юной спутницей оказались на корме.

– Н-нда... – Середин развернулся, оперся на борт спиной, словно так и было задумано, помахал ладонью высоким деревянным стенам, темнеющим на земляном валу: – Счастливо оставаться, славный город Торжок! Кто знает, свидимся еще когда-нибудь или нет?

– А мне бы хорошо еще две ходки до жатвы сделать, – пробормотал себе под нос крепыш, подтягивая кормовое весло и выравнивая судно посередине реки. – Иначе с долгами не расквитаться...

Этим было сказано все. Сразу стало понятно и то, отчего на корабле такая странная разношерстная команда, и почему хозяин сам стоит у руля, и отчего отправляется в опасный путь в одиночку, всего с одним-единственным бойцом. Похоже, дела у купца шли совсем неважно. Потому в рейс он набрал не тех, кто имеет опыт, кто крепок и здоров, способен за себя постоять, а тех, кому можно заплатить треть или четверть жалованья обычного гребца. Да и ведун тут оказался лишь потому, что согласился практически лишь за еду службу нести. Попроси Олег нормальной оплаты – ушкуй наверняка ушел бы вовсе без охраны. А так... Середину нужно в Кострому, торговому человеку на корабле требуется охрана. Вот обоим и повезло.

Команда сделала всего несколько сильных гребков, придавая кораблю начальное ускорение, после чего из шести пар весел четыре были подняты, а затем и убраны. Для того, чтобы обеспечить ушкую управляемость, хватало и двух гребцов. А скорость дарил течение. Не очень большую – как у пешехода или повозки. Зато – совершенно бесплатную.

По сторонам величаво покатались за спину широкие поля спелых хлебов, сенокосы, частые рыбацкие амбары, умиротворяюще зажурчала вода, от которой потянуло слабой прият-

ной прохладой. Олег провел большими пальцами под ремнем, расправляя ткань рубахи, повернул голову к крепышу:

– А ведь мы с тобой так и не познакомились, хозяин. Меня Олегом родители нарекли. А тебя как звать-величать?

– Тумдум, из Рябиновых купцов буду. – Крепыш стянул с головы каракулевую шапку, небрежно бросил под ноги, пригладил ладонью бритую голову. – Слава Стрибогу милостивому, наконец-то отправились.

Ведун отвернулся к правому берегу, пряча улыбку. Странное имя его ничуть не удивило. В этом мире очень многие люди свои имена прятали, дабы по ним не могли навести порчу, и пользовались прозвищами, зачастую прилипшими еще в детстве. Посему тут и там постоянно встречались Первуши, Вторуши, Нежданы, Снежаны и прочие клички, явно выдающие, кто, когда и при каких обстоятельствах родился. Встречались и Труворы, и Стукачи, и Крикуны, явно досаждавшие в детстве своим родителям пуще прочих отпрысков. Даже Дураки встречались в русских селениях. Ибо чего с Дурака возьмешь? Никаких наговоров на такого послать не получится. Так что Тумдум – это еще нормально. Хотя все равно смешно.

– Так чего там на реке, хозяин? Что творится, что сказывают, когда опасности ждать?

– Да, поди, третий год уж, как лады между Белой крепостью² и Кашинкой пропадать стали, – взяв прави́ло рулевого весла под мышку, размеренно ответил крепыш. – О прошлом лете князь даже дружину посылал с сотником татей заловить, да токмо не нашли они никого, напрасно ноги стоптали.

– Как же вы тогда по Волге ходите? – удивился ведун. – Коли про гнездо разбойничье на ней знаете?

– Сговариваются купцы да большим караваном и идут. Ладей по десять-пятнадцать. Скопом брать, так корабельщиков до полутысячи набирается. Супротив такой силищи не всякая дружина выступить рискнет, не то что душегубы лесные. Караваны не трогают. А вот одному – да, одному не по себе катиться. Однако же, коли к берегу не приставать и ночью не останавливаться, то проскочить можно. Пока заметят, пока соберутся, пока лодки спустят... На веслах да под парусом от любой погони уйдем. Им же долго путников преследовать нельзя. А ну, караван встречный появится, али на дозор княжеский наскочат? Уж тут татей точно не отпустят. Гнать будут хоть до самого ледостава, однако же обязательно достанут и кишки выпустят. Не любят честные путники душегубов, никаких сил не пожалеют, дабы навеки от них избавиться.

Тумдум говорил жарко, от души. Видать – накопело. Да и страшно, наверное, было очень. Он ведь как раз один в путь отправлялся. Да еще с такой слабосильной командой. А страх – это всегда зеркало ненависти. Чем сильнее боишься – сильнее и ненавидишь.

Почему купец решил не дожидаться, пока соберется очередной караван, ведун спрашивать не стал. И без того понятно: не идут дела у Тумдума, не складываются. Потому за любой заказ с готовностью хватается. Если давешнему боярину с причала понадобилось груз какой к нужному сроку доставить – тут за небольшую доплату и на риск пойдешь, никуда не денешься. Каравана ждать – работу быстро перехватят, желающих найдется с избытком.

– До Белой крепости дня три пути будет? – прикинул на глазок Середин.

– Где-то так, – согласился крепыш.

– Ну, тогда я броню пока надевать не стану. По такой жаре упаришься ее таскать. На Волге полностью снаряжусь.

– Это верно, сегодня парит, – с готовностью согласился купец. Тумдум явно обрадовался, что единственный воин ушкуя имеет доспехи. Это ведь, считай, его одного против десятых выставлять можно. – А на Тверце отродясь ничего никогда не случалось. Речушка узкая, деревни чуть не на каждой версте стоят. Откуда тут татым взяться? Сказывают, правда, селе-

² Ныне – Белый Городок.

ние одно на полпути к Волге недавно вымерло. Кудесница там злая завелась, людоедка сушая. Никого не пощадила, ни старых, ни малых... Но коли в сем проклятом месте не причаливать, то корабельщикам вроде как ничего не грозит. Вестимо, нет у чародейки силы на реке. Текучая вода любое колдовство губит. До нас ведьме не дотянуться!

Знал бы Тумдум, насколько сильно он ошибался, произнося эти слова!

Ведун покосился на спутницу, стоявшую у борта по другую сторону от кормового весла, но Сирень даже бровью не повела, словно речь шла не о ней, а о ком-то другом.

«Проклятую» деревню ушкуй миновал, когда уже начинало смеркаться. Останавливаться здесь, понятно, корабельщики не стали – спустились на несколько верст, за три излучины, рискуя врезаться в темноте в плохо различимые берега. Или, точнее, корабль плыл по течению до тех пор, пока не наскочил сослепу на уже совершенно невидимый в ночи берег.

Впрочем, за аварию это происшествие никто не воспринял. Гребцы втянули весла, несколько корабельщиков выскочили с веревкой в кустарник, привязали ушкуй. Следом не торопясь, с припасами, стала выбираться остальная команда. Поднявшись на пологий склон, путники расстелили войлочные кошмы на траве, вместо подушек положили кто свернутый плащ, кто шапку, а кто и сапоги. Один из стариков, почти неразличимый в темноте, прошел по кругу, раздавая свежие пирожки. Так же, по кругу, проплыли и три крынки с пивом. Подкрепившись, путники стали укладываться, даже не потрудившись выставить стражу. Видимо, эти места и вправду считались совершенно безопасными.

Олег, раз уж его угораздило стать охранником, собрался было покараулить стоянку сам, но после ужина его неожиданно сморило, и проснулся он только перед рассветом, когда корабельщик, толкнув его в плечо, сунул в руку очередной пирожок. Сумерки были зябкими, пасмурными, явно намекающими на близость дождя. Видимо, поэтому, прежде чем отчалить, путники затянули часть палубы парусиной, оставив открытыми только две задние гребные банки. Гребцы, раздевшись до пояса, отвязали судно от кустарника, сели на весла, отгребли на стремнину – и ушкуй величаво поплыл дальше по реке.

– Здрав будь, воин, – подошел к Середину старик, раздававший на берегу снесь, и кивнул на юную ведьму: – Это как, мил человек, дочка твоя, что ли? На невольницу не похожа, строга больно.

– Пусть будет дочка, – согласился ведун. – Нечто грубит? На нее не похоже.

– Не, не грубит. Слова по одному отмеряет, ровно с жемчугом расстается. Однако же от еды и питья отказывается.

– Вот оно что... – Олег прикусил губу. Он не ожидал, что странность в поведении лесной ведьмы заметят так быстро. – Это она похудеть задумала. За толстую себя считает.

– Как это? – вскинул брови старик. Разумеется, как и все в этом мире, он считал, что девка чем упитаннее, тем и краше.

Однако другого объяснения ведун придумать не смог.

– Молодая еще, – пожал он плечами. – Рази ты не ведаешь, что у девиц в возрасте таком вместо ума-разума творится? Каприз на капризе, ничего не поймешь. Ты вот что... Ты ее долю лучше мне давай. Я как-нибудь попробую уломать.

– Могу и тебе, – согласился старик. – Уговор у Тумдума, знамо, с тобой.

– Тебя как звать-то, отец? – Олег положил ему руку на плечо. – Ты, вижу, корабельщик опытный.

– Дык уж полвека каждый сезон на веслах... Как отец в десять лет с собой взял, так на берег токмо со снегом и схожу. Ершом он меня кликал. Знатный был кормчий, да токмо научить ничему не успел. Рыбачил как-то в плавнях Нижней Булгарии, когда припасы в дорогу запасали, да водяной его в омут и затянул, проклятуший... – Старик вздохнул.

– Да, печально, сочувствую, – сказал ведун. – Хорошие люди, они и нам, и нежити всегда нужны. Это токмо мерзость всякая нигде не тонет. Однако же подскажи, опытный кора-

бельщик, где именно тати могут гнездо свое свить? Когда мне в броне бдеть днем и ночью, а до какого дня можно впрок высыпаться?

– Завтра село Кимры минуем, – почесал в затылке старик. – Так выше его корабли вроде как не пропадали, не припомню такого. Ниже Калязина тоже... Почитай, меж этими селениями кто-то и балует. Берега там, кстати, топкие, а потому малолюдные. Самое милое дело от глаз прятаться. Вниз по течению всего два дня пути выйдет. Коли проскочим, можно более не бояться.

– Коли все так ясно, отчего их по сей день не отловили? – удивился Олег.

– Ну, кабы душегубы на берегу сидели, так, может, уже по осинам бы и развесили, – пригладил тощую седую бороду старый Ерш. – А коли в топях прячутся али на протоках лесных, так поди найди... Их все и за сто лет не прошерстишь.

– Ну да, ну да, – согласно покивал ведун. – Тогда я, пожалуй, пока покемарю на солнышке...

Уверенный, что своими разговорами он отвлек старика от мыслей о Сирени, Олег присел на палубу у борта и откинулся на него спиной, прикрыв глаза. Хотел вздремнуть – да разве заснешь, если вместо солнышка на лицо сыплется противная холодная морось?

Олег прищурился, глянул на юную ведьму. Та неподвижно стояла у борта, глядя на ползущие мимо берега. Яркое платье стремительно намокало, но сама Сирень явно не ощущала никакого неудобства. Что, впрочем, не удивительно. Железному каркасу, обтянутому дерюгой, на погоду плевать, а подселенная в большую куклу душа уже давно забыла, что такое боль. Все, что в ней осталось, – это ненависть к человеческому роду. И страх. Страх перед силой ведуна, способной скрутить куклу в узел и на вечные времена оставить уродливой кучей в какой-нибудь темной глубокой яме вместе с попавшейся в ловушку чародейской душой...

Все же странно, что злобная ведьма, истребившая целую деревню, так легко смягчилась всего лишь после нескольких подарков. И даже согласилась больше никого не убивать.

Середин опять закрыл глаза и вправду задремал, а когда проснулся – ушкой уже мчался вниз по широкой Волге, подгоняемый слабым попутным ветерком. Совсем рядом, под ухом, журчала вода, с берега пахло влажной травой и едкими еловыми смолами. Дождь прекратился, но небо оставалось затянутым темными тучами от края и до края. Олег встал, размялся, прошелся до кормы, спросил у Тумдума:

– Кимры скоро?

– Мыслю, до заката пройдем, – хмуро ответил купец. – С погодой повезло. Однако же на ночь придется вставать. Как бы во мраке куда не влететь...

«Вставать», как оказалось, означало просто отдать якорь. Тумдум не хуже старого Ерша понимал, где места спокойные, а где опасные, и выходить на берег не рискнул. На воде до путника добраться куда как труднее – что человеку, что нежити, что зверю лесному, каковых здесь тоже хватало.

Ерш открыл бочонок с солониной, порезал хлеб, опять обошел команду, выдавая каждому его скромную вечернюю пайку. Перед Олегом присел, протянул ему два бутерброда, тихо сказал:

– И все же зело странна твоя деточка. За весь день ни разу по нужде не ходила.

– Так ведь не ест же ничего, – пожал плечами Середин.

– Однако же целый день? – не поверил ему корабельщик.

Олег промолчал. Старик чуть подождал ответа, хмыкнул, пошел обратно к бочонкам с припасами.

Ведун тихо ругнулся. Ушкой маленький, все друг у друга на виду, ничего не скроешь. И если девочка не испытывает никаких человеческих потребностей – скрыть этого, понятно, не получится, как ни старайся. А путь впереди длинный. Нужно что-то придумывать, как-то все это объяснять. Вот только как объяснишь простому смертному подобные чудеса!

– Ладно... Будет день, будет видно... – Середин развязал свой мешок, достал трофейную кольчугу, влез в нее, застегнул крючки во`рота, опоясался саблей, шлем пока привесил к поясной сумке. Подошел к девочке: – Ну, и как тебе наше путешествие?

– Я знала, что мир огромен, – тихо ответила ведьма. – Но не ожидала, что настолько...

– У-у, тогда тебя ждет большой сюрприз.

– Какой? – Сирень повернула к нему влажное лицо.

– Мир такой большой, что ты, можно считать, все еще дома. Мир большой и разный, ты только-только переступила порог. Ты еще увидишь озера и горы, пропасти и пустыни, города и непролазные чащобы...

– Хорошо, – кивнула девочка. – Тогда я не буду пока от тебя убегать.

– Спасибо, – улыбнулся Олег. – Ты уже обещала меня не убивать, теперь обещаешь не убегать. Скоро мы станем настоящими друзьями. Дождь, кстати, кончился.

– Хорошо. – Лицо Сирени на миг дрогнуло, стало сухим, и она снова повернулась к берегу.

Ушкуй стремительно погружался во мрак. Густые облака не пропускали к земле ни единого звездного лучика, намертво отрезали луну. Пока Олег доел солонину с хлебом, запил бражкой – река полностью растворилась в черноте. Ведун поколебался, но заговора на кошачий глаз шептать не стал. В такую погоду ни один тать на разбой не отправится, как бы ни хотелось. Как грабежом заниматься, если на расстоянии вытянутой руки ничего не разглядеть? Ну, а о колдунах или какой нежити освященный крестик завсегда предупредит, благо не выносит христианская святыня близости любой магии али сил языческих.

Команда быстро утихомирилась, а Олег еще долго стоял на корме, настороженно прислушиваясь к темноте. Где-то там, в неизвестности, шелестела листва, поскрипывали стволы, изредка слабо поблескивала вода. Последний шум заставил ведуна насторожиться... Однако минута тянулась за минутой, шум ничуть не приближался. Похоже было, либо рыба на мелководье жирует, либо сор какой-то в течении болтается.

Немного успокоившись, Олег насадил на макушку шлем, сел к борту и позволил себе погрузиться в слабую полудрему, из которой легко очнуться при первом же признаке тревоги, но при всем том хоть слегка, но высыпается.

Ночь прошла без приключений – однако утро хорошо показало всю озабоченность корабельщиков ближайшими верстами пути. Тумдум принес к рулевому веслу и положил у борта копьё на длинном ратовище и широкий плотницкий топор. Трое пожилых путников с тополами и щитами обосновались на носу, внимательно глядя по сторонам, остальные обошлись висящими на поясах ножами. Середин, заразившись общим беспокойством, шлема снимать не стал, проверил, насколько удобно выходит из ножен косарь и не запутался ли тросик кистеня.

Ветер опять был попутным, и потому молодые корабельщики споро подняли парус, быстро разогнавший ушкуй до скорости бегущего человека. Увы, удовольствие длилось недолго. Резво прокатив путников мимо высокой Белой крепости, через полтора десятка верст Волга резко отвернула влево, к северу. Парус заполоскал, и его пришлось торопливо сворачивать. Пока Тумдум, навалившись на прави`ло, огибал выдающийся далеко в излучину мыс и выворачивал корабль на новый курс, двое парней заняли места на задней банке, опустили на воду весла.

Олег широко зевнул, борясь с неожиданно подступившей сонливостью, потрянул головой, зевнул снова.

– Странно. Не так вроде за ночь устал, чтобы носом клевать... – пробормотал он себе под нос.

Надо сказать, сморило не только ведуна. Увязав парус, молодые корабельщики растянулись бок о бок на палубе и вовсю захрапели – равно как шумно посапывали и старики на носу. Гребцы зевали с риском вывихнуть себе челюсть, Тумдум фыркал и тряс головой, пуча глаза.

– Что за нечистая сила? – снова зевнул ведун и явственно ощутил, как в ответ на его слова стал плавно нагреваться примотанный к запястью крестик.

Парни на веслах сделали еще гребок, откинулись на спину и расслабились, распахнув рты и закрыв глаза. Тумдум повис на правиле, понуря голову и совершенно не различая, куда рулит. В глазах Олега тоже всюду гуляли овечки, он привалился к борту, уже не понимая, где находится, и только отчаянно пульсирующая боль на запястье призвала его инстинкты на помощь угасающему разуму, заставив рвануть клапан поясной сумки. Ведун выхватил туесок с разрыв-травой, разрушающей бытовое колдовство даже без помощи наговоров, потряхнул на ладонь, резко дунул:

– Порви, разрыв-травы, слово колдуна черного, навет нежити холодной, морок духов чужих...

Вид привалившегося бортом к ушку длинного узкого струга мгновенно стряхнул с него остатки сонливости. Там, внизу, шестеро гребцов в стеганых куртках уже побросали весла, засовывая за пояса боевые топоры – маленькие, но на длинных рукоятях. Загоревший до черноты мужик в кольчуге, с мечом на ремне, неуклюже карабкался на корабль по веревке с узлами, другой, в пластинчатом куюке³, уже забросил на корму железную «кошку» и подтягивал ближе свой край. Но больше всего внимание ведуна привлек одетый в добротный кафтан черноволосый и длиннорослый мужчина в расшитой серебряными нитями тубетейке, который, потупя взор, перебирал в руках костяные четки и что-то при этом бормотал.

– Проклятие! – Олег метнулся к Тумдуму, схватил у него из-под ног топор и копье, повернул обратно и что есть силы метнул пику в разбойничье чародея.

С расстояния в три сажени промахнуться было трудно: тяжелое оружие прошло кудесника насквозь и вонзилось глубоко в доски лодки. Мужчина, похоже, умер еще до того, как успел что-то понять. Просто руки его упали на колени, выпустив четки, а голова повисла чуть ниже, чем ранее.

– А-а-а!!! – Разбойник в куюке отпустил веревку, схватился за меч...

Но у Середина оружие было уже в руках – он с короткого размаха вогнал топор врагу в основание шеи, дернул обратно и с высоты надстройки прыгнул вниз и вперед – за спину второму мечнику, что уже собрался переваливаться в ушкуй, засадил топор ему в ребра по самый обух и крутанулся, выдергивая саблю. Грабители ринулись на Олега, вопя и размахивая топорами:

– Бей гаденыша!!!

Ведун хотел было выхватить в пару к длинному клинку косарь, но тут случилось то, чего не ожидал ни он, ни, похоже, разбойники, – под массой навалившихся на одну сторону людей струг качнулся, жадно черпнул бортом воду и в таком положении, боком, стремительно стал тонуть.

– Йо-о... – охнул Олег, тут же хватанул, сколько смог, воздуха и с головой ушел под воду.

Заклинания, позволяющие дышать на глубине, он знал, знакомство с сыном русалки даром не прошло. Вот только читать наговоры под водой – дело не такое простое, как можно подумать, растянувшись на прибрежной травке...

Глубина в месте схватки оказалась не такая уж и большая – примерно две сажени, два человеческих роста. Коснувшись ногами дна, Середин несколько раз ткнул саблей вверх, в барахтающиеся ноги, поджал колени, толкнувшись что есть силы, на удивление легко всплыл к поверхности – в стеганом поддоспешнике еще оставалось в достатке воздуха, чтобы хоть немного уравновесить тяжесть доспеха. Вырвавшись на воздух, он торопливо вдохнул, выдохнул, снова вдохнул на весь объем легких.

³ Куюк – доспех, в котором металлические пластины нашивались на матерчатую основу.

– Веревку держи! – закричали с ушкой, но увидеть спасительный конец Середин не успел: быстро намокающая стеганка и кольчуга со шлемом увлекли его обратно на глубину.

Понимая всю безнадежность положения, тратить силы и время на барахтанье ведун не стал – дождался, пока подошвы сапог опять коснутся дна, наклонился вперед и спешно зашагал к берегу. Все же река – не море. Десяток сажень – и он будет на суше.

Боги оказались милостивы к своему преданному слуге. Еще до того, как Олег начал задыхаться, он заметил над собой чьи-то ноги – схватился за них, рванул к себе, подминая плывущего татя, забираясь на него сверху, опять высунул голову на воздух, жадно задышал. Грабитель снизу задергался, тоже попытался выбраться к поверхности, цепляясь за его одежду, но Середин, продышавшись, снова позволил себе утонуть, удерживая врага вместе с собой. А когда тот затих, опять зашагал к берегу.

Волга сопротивлялась, как могла, стараясь удержать свою добычу, качала его волнами, сбивала в сторону течением, мягкой подушкой упиралась в грудь, однако, прежде чем от нарастающего удушья в глазах появились розовые искорки, Олег смог сделать два десятка шагов и, уже не в силах сдержать выдох, толкнулся, подпрыгнул, помогая себе руками, загребая так быстро, как только мог.

Из рта вырвались пузыри, и вместе с ними Середин оказался над водой, хватанул воздух – словно укусил, едва не лязгнув зубами, – опять провалился под воду, старательно загребая в нужном направлении, снова ощутил ногами дно, толкнулся от него кончиками ног, всплыл к поверхности, еще раз вдохнул. Несколько последних, самых важных шагов – и Олег наконец-то смог перевести дух, оказавшись в Волге всего лишь по шею.

Постепенно приходя в себя, он выбрался на сушу, упал почти без сил и перевернулся на спину, глядя на реку. Там медленно скатывался по течению ушкой, и корабельщики увлеченно добивали веслами последних выживших разбойников. Олег ощупал пояс. Рукоять сабли оказалась на месте – торчала из ножен. Вот что значит рефлекс: сам не заметил, как оружие убрал. Хоть и тонул, но не упустил.

Ведун откинул голову, немного полежал, набираясь сил, потом привстал и начал раздеваться, избавляясь от мокрой одежды. Краем глаза он заметил, что корабельщики уже закончили с праведными хлопотами и гребут к нему по чуть розоватой от крови воде.

Вскоре ушкой ткнулся носом в берег, и его окружили веселые мужики:

– Ну, ты молодец! Ловко их сковырнул! Как они подобраться-то незаметно ухитрились? Ну, ты удалец! Всех выручил!

– Не зря я тебя взял, – подвел итог похвалам донельзя довольный Тумдум. – Впредь знать будут, каково на мой корабль зуб точить. Так чего, ратник? Вина выпьешь для согрева? Да и дальше поплывем, чего зря время терять? На борту тряпье свое высушишь.

– Нельзя так просто уплывать, купец, – покачал головой Олег. – Гнездо разбойничье надобно найти и до конца выжечь, дабы больше путников не тревожили. Раз они здесь на нас напали, значит, и логово их неподалеку. Поискать внимательно, наверняка тропу или протоку расчищенную найдем.

– Да на что нам эта морока? – поморщился Тумдум. – Тати народ злобный, не ровен час, на рогатины напоремся. Пусть другие корабельщики сами за животы свои бьются. Наше дело маленькое: товар до Костромы к сроку оговоренному доставить. А душегубов пусть дружинники княжеские ловят.

Купец оглянулся на своих работников, и те молчаливо стали пожимать плечами, вроде соглашаясь, хотя и без особого одобрения.

– Ты кое о чем забываешь, Тумдум, – сказал Олег. – Лесные разбойники большими дружинами не ходят. Коли десяток али два в ватагу наберут, так и то за силу считается. Этой силой и балуют. В лагере разве стряпуху да пару сторожей оставят. Утопили мы аккурат девятерых.

Сколько там у них воинов ныне осталось? Один, двое? Да хоть бы и пятеро! Нас все едино больше.

– Пятеро так просто не сдадутся, хоть кого-то с собой да прихватят, – резонно заметил многоопытный Ерш. – Чего ради животы-то класть?

– Склеротики вы все, – рассмеялся Середин. – Забыли, что банда эта на Волге уже не первый год шалит? Представляете, сколько у нее добычи, добра самого разного накопилось? И всю ее сейчас охраняет всего один-два человека. Самое большее – пятеро. Нечто вы по робости своей такой шанс упустите? Ну, мужики, решайтесь! Половина добычи мне, половина вам.

– А почему тебе половина? – возмутился один из молодых корабельщиков.

– Можно и наоборот, – пожал плечами Олег. – Половина тебе, нам остальное. Токмо тогда на рогатины ты первым полезешь, а мы спину тебе прикроем, дабы неожиданности какой не случилось.

– А чего, я могу! – захорохорился паренек, но пожилые товарищи быстро осадили его пыл, посоветовав не лезть на рожон, и задали более разумный вопрос:

– Так чего делать-то надо, воин?

– Мне тряпицу какую-нибудь дайте – клинки вытереть, дабы высохли быстрее, – потребовал Олег, – а сами вдоль берега ходите и смотрите внимательно, нет ли сломов свежих на ветках, тропок замаскированных, что в чашу уходят, али ручьев, вычищенных от валежника, и камней, в которые струг завести можно.

– Далеко искать?

– Дальше, чем на версту, смысла нет, – решил Середин и принялся выжимать свои порты.

Корабельщики послушно разошлись в разные стороны, оставив своего единственного ратника приводить в порядок оружие и одежду. Однако засиживаться долго ведуну не пришлось. Где-то через час на берегу вдалеке неожиданно запрыгал молодой гребец, размахивая руками и вопя во все горло:

– Сюда! Сюда-а-а!!!

– Вот идиот! – вскинулся Олег. – Он же весь лес на уши поднимет! Теперь сторожа точно знать будут, что на них охоту открыли.

О том же самом подумали и другие корабельщики и быстро заткнули рот бестолковому мальцу. Однако тревога наверняка уже поднялась.

– Да чтоб вам всем... – Ведун быстро облачился в еще влажную одежду, натянул кольчугу, опоясался, энергично пошагал к крикуну.

Возле устья небольшого ручья собралась уже почти вся команда, заглядывая под склонившиеся навстречу друг другу стволы молодых ив. Когда Середин подошел, старый Ерш молча показал вверх, и ведун увидел бечевку, что стягивала между собой макушками два деревца. Издалека, с реки, ее, конечно же, было не разглядеть, но теперь, замеченная, она уже не скрывала, а выдавала разбойничий тайник.

– Видать, когда струг вытягивают, то петлю скидывают, деревья разводят, дабы ветки не поломать. А опосля обратно связывают, – не удержавшись, объяснил очевидный собой паренек. – С нескольких шагов прохода вовсе не разглядеть.

– Ладно, пошли смотреть. – Ведун обнажил саблю и вошел в русло. Ему, мокрому, было уже все равно.

– Тарань, Кузя, Мох, за ушкуем присмотрите, – приказал купец.

Мальчишки заворчали – Тумдум выбрал в сторожа самых молодых, однако старый Ерш сурово добавил:

– Неча корабль без призора бросать. Мало ли кто бесчестный без нас проплывет? Хотите без корабля нас оставить? А ну, брысь, куда приказано!

Караульные, понурясь, побрели к ушкую, а Середин тем временем, пригнувшись, нырнул под кроны.

Ручей был неглубоким, всего по колено. Однако пустой струг, без команды, прошел бы здесь без особого труда. Зеленый тоннель тянулся шагов пятнадцать, после чего расступился. Место ив по берегам заняли высокие березы, ручей же заметно расширился и углубился, вода поднялась до середины бедер. Просвет впереди подсказывал, что очень скоро он рискует раствориться и вовсе в бездонной топи. К счастью, справа на берегу обнаружилась широкая утоптанная площадка, куда и повернул ведун, выбираясь на сушу. Следом стали подтягиваться корабельщики.

– Кострища нет, – сразу заметил опытный Ерш. – Стало быть, тут не жили и не ели. В засаде токмо таились. А огонь в засаде лишь помеха.

– Тропинку нужно искать...

– Здесь! – перебил его Тумдум, указывая на брошенные в торфяную низину слег.

– Я первым пойду, – предупредил Середин.

Никто и не подумал возражать.

За низиной стала явственно различима узкая тропа, петляющая от пригорка к пригорку. Влажные места были заботливо укрыты слегами, а местами и переброшенными в особенно глубоких местах бревнышками. Видно было, что обосновались душегубы основательно, на совесть. Много лет намеревались на торном пути промышлять. Да токмо не повезло...

Корабельщики, держа наготове топоры и ножи, тонкой цепочкой втянулись в лес.

Тем временем оставшиеся на берегу молодые гребцы медленно шли к ушкую, лениво пиная выброшенный рекой мусор.

– Разорви меня барсук, сами-то сейчас погуляют, повеселятся, – обиженно высказался Тарань, поворошил волосы. – Брюхо набьют, вина напьются. Добра всякого наберут... А нам в лодке сидеть!

– Глянь, чего это там? – остановившись, указал на отмель Кузя, над губой которого, в отличие от товарищей, уже начали проступать юношеские усики.

– Зверя дохлого прибило... – предположил Мох.

– Без головы? Ну-ка, глянь поближе...

Тарань, приволакивая ноги, свернул с песка в реку, пнул пару раз набегающие волны и вдруг взбодрился:

– Бурдюк! Небось со струга утопшего смыло! – Разбрызгивая воду, он быстро дошел до мохнатой емкости, поймал за горлышко и поднял перед собой: – Козий! Не иначе, с вином.

Паренек выдернул пробку, понюхал, хлебнул:

– Ага! Оно и есть! Вишней пахнет... – Тарань прихлебнул еще.

– Э-э, ты чего делаешь?! – возмутился Кузя. – Остальным оставь!

– А чего им оставлять? У них там, вестимо, своего в избытке найдется. И нам его дядьки, знамо, не понесут... – Паренек снова припал к горлышку бурдюка.

– Нам-то тоже дай! – повернул к нему Мох.

Тарань, сделав несколько глотков, передал бурдюк товарищу. Тот, отпив, протянул емкость Кузе. Старший из оставшихся корабельщиков отказываться не стал, тоже выпил.

Так, делая по очереди по два-три глотка, ребята и шагали вразвалочку к далекому ушкую. Бурдюк, сшитый из цельной шкуры крупной козы, казался бездонным – к тому моменту, когда уже изрядно хмельная троица добралась до сходен, он опустел едва наполовину.

На борт корабельщики подниматься не стали, развалились на траве, продолжая прихлебывать из бурдюка дармовое угощение. От закуски бы они, верно, тоже не отказались, но ничего такого к берегу не прибило, а запускать лапы в корабельные припасы они не рискнули бы даже под угрозой голодной смерти.

– Глянь, а девка ратника нашего так на носу и стоит, ровно приклеили. Прямо и не шевелится. Умом, что ли, больная, али такая гордая? – кивнул на ушкуй Тарань, крикнул: – Эй, красотка, айда к нам! Посиди на берегу, вином угостись. Успеешь еще на палубе настояться.

Сирень не шелохнулась.

– Э, какие мы гордые! – хмыкнув, сказал Тарань.

– А может, она глухая? – Мох поднялся, взошел по сходням, и в этот момент девочка кратко произнесла:

– Я не глухая.

– М-м... – остановился паренек. – Ну, так пошли, выпьем? Тебе хорошо будет, нам веселее. Посидим, поболтаем. Побалуемся...

Сирень не ответила. Мох вернулся к товарищам, тихо сказал:

– Гляньте... Маленькая, а грудастенькая.

– А давайте ее пощупаем? – шепотом предложил Тарань. – И нам забава, и ей урок хороший. Брезгует она нами, понимаешь. Нос воротит.

– Ты совсем умом тронулся? – округлил глаза Кузя. – Ратный вернется, знаешь, что с тобой за дочку сделает?

– Да она не скажет, – прихлебнув вина, пообещал Тарань. – Кто же из девок в позоре своем признается? Тем паче гордячка этакая. Опять же, урона никакого не причиним. Токмо потискаем. Ты одну руку держишь, ты другую, а я щупаю. Опосля поменяемся. Давай? – Он протянул бурдюк Кузе.

– А вдруг расскажет? – Тот выпил и передал вино дальше.

– Так ведь вреда-то и правда никакого. – Мох приподнял ладонь, чуть согнул пальцы, словно предвкушая мягкость девичьего тела. – Мелкое баловство. Ну, даст он нам по морде при худшем раскладе. Но я так мыслю, не станет она признаваться. Побойтся. За позор от папаши еще и больше, чем мы, огребет.

Хмельные парни все разом посмотрели на одинокую девочку.

– Может, ей еще и понравится? – вслух подумал Тарань. – Тогда веселье и вовсе сладким выйдет.

– Подумаешь, по морде даст... – Мох решительно заткнул горловину бурдюка, бросил мех на песок. – Кто со мной? Давай, Тарань? Подходим тихонько, ты правую руку хватаешь, а я левую. Разворачиваем и проверяем, чего у нее тамросло.

Прибрежные ивы и березы заколыхались, словно от порыва ветра, над ними, поднявшись, закружили птицы. Со стороны болота послышалось карканье, появились вороны, почуявшие близость поживы. И только трое хмельных корабельщиков не обратили никакого внимания на эти приметы, равно как не заметили появившихся чуть в стороне нескольких крупных волков. Парни, переглядываясь, поднялись по сходням на ушкуй, тихонько прокрались девочке за спину, рывком кинулись вперед: Тарань сцапал одну руку, Мох другую, рванули к себе и так, на растянутых руках, развернули пленницу лицом к себе.

– А чего это ты тут прячешь? – не оттягивая самого главного, Кузя задрал жертве атласную юбку, запустил обе руки под нее... и вдруг вскрикнул от боли в затылке: одна из ворон спикировала ему на макушку, долбанув крепким клювом. На миг паренек отвернулся, а когда снова сунулся к девочке, то обнаружил на ее месте железное чудище: коробка вместо головы, пасть с гвоздями вместо зубов, засаленные стальные руки кончались тремя изогнутыми крюками, из-под платья проглядывала грубая мешковина, заменяющая телу девочки кожу.

– А-а-а-а-а!!! – отпрянув назад, гребец ударился спиной о борт, шарахнулся в одну сторону, в другую, кинулся к сходням, пересек полосу берега, вломился в кустарник.

Мох, увидев подобное преображение, только застонал, разжал пальцы, с сипением прополз мимо и кинулся наутек. Тарань же, выпучивший глаза, оказался не в силах даже разжать пальцы.

Притрусившие волки поднялись по сходням, легко перебежали на корму. Остановившись возле паренька, оскалились и зарычали. Это привело горе-наильника в чувство – он отпустил ведьму и сиганул за борт. Серые хищники повернули головы к Сирени. Лесная ведьма оделась обратно в морок, вернув себе облик шуплой девочки с заметной грудью, молча кивнула.

Звери сорвались с места, промчались по кораблю, спрыгнули на песок и бесшумно вонзились в прибрежные заросли, идя по следу беглецов.

* * *

Ведун всего этого не знал. К этому моменту он только-только подбирался к разбойничьему логову. Тропинка оказалась длинной. Пришлось отмахать версты три, не меньше, прежде чем до путников донеслись запахи дыма и жареного мяса. Олег вскинул руку, тихо предупредил:

– Не шуметь! От меня сажень в ста позади держитесь. Коли опасность увидите, тогда кричите. А так – тихо!

Он скинул сапоги, чтобы не чавкали, на полуцыпочках пошел вперед, стараясь двигаться так, чтобы со стороны сизого дымка его закрывали деревья, и вскоре смог разглядеть логово разбойников во всей его красе: длинный бревенчатый дом на ошкуренных чурбаках, небольшой амбар, два легких навеса, крытых ветками и камышами, – шалаши, да и только. Между шалашами горел костер, возле которого кто-то хлопотал. Мужик, баба – из-за ветвей было не разглядеть. Судя по стуку, еще кто-то невидимый занимался колкой дров, да пара бородачей в полотняных рубахах что-то обсуждала, бок о бок сидя на сбитой из жердей лавке. Возле них стояли щиты, чуть поодаль были прислонены к ели рогадины, на поясах висели ножи и мечи. Похоже, именно эта парочка за стражу здесь и осталась.

Олег оглянулся, прижал палец к губам и пошел влево, обходя воровскую слободку. Лес здесь был хорошо утоптан, весь валежник старательно выбран, а потому хрустеть под ногами оказалось нечему. К тому же оставшиеся при хозяйстве тати слишком увлеклись своими делами, чтобы обращать внимание на происходящее вокруг.

Известная беда всех сторожей, на памяти которых никогда не случалось никаких неприятностей. О необходимости следить за подступами, слушать, нюхать, смотреть, не терять бдительность они обычно узнают только перед смертью.

Зайдя беспечным караульным за спину, ведун уже почти не таясь пошел вперед и из-за излишней самоуверенности тоже едва не профукал с таким трудом добытую внезапность. Потный толстяк, что колот дрова, ненадолго остановился, опустил колун, отер рукой лоб, обвел лес взглядом – и закричал, вскинув руку в сторону Олега.

– Чего вопишь, Кроля? – засмеялись караульные. – Нечто волка увидел?

– А то! – Середину оставалось сделать всего несколько шагов.

Сторожа оглянулись, но увидеть успели только блеск стали: снизу вверх поперек лица одному, обратным движением по горлу другому, быстрый укол в сердце первому – и ведун перепрыгнул опустевшую скамью.

– Цветик, беги-и!!! – Толстяк ринулся на Олега, и тот замедлил шаг, покосился на костер. Возле очага дородная тетка с огромным половником замерла в растерянности. Из-под сбившегося на затылок платка топорщились рыжие волосы.

Не добежав трех шагов, разбойник неожиданно метнул топор. Середин пригнулся, уклоняясь от удара, и тут же, почти наугад, рубанул толстяка поперек живота. Но легкое прикосновение острого, как бритва, лезвия врага не остановило – он налетел на Середину всей массой, сбил Олега с ног. Заскрежетало железо.

– Великий Перун! – Толстяк вскинул нож, ударил Середину в глаз.

Ведун насилу успел перехватить левой рукой его запястье, остановив острие в нескольких пядях от лица. Разбойник зарычал, навалился всем весом – Олег, отпустив саблю, перехватил запястье двумя руками. Сила против силы, дровосек против кузнеца, вес против упертого в землю локтя. Они пыхтели минуты три, и толстяк наконец начал дышать все чаще, нажим его заметно ослаб, а еще через минуту глаза подернулись белесой пленкой...

– Тебе помочь, воин?!

– Сам! – громко отозвался Середин, поднатужился, отпихнул толстяка, приподнялся: – Вот бугай здоровый. И ведь еще дышит! Кровью всего залил...

Взмах сабли распорол душегубу живот чуть не до самого позвоночника, но даже после столь страшной раны тот ухитрился не просто долго драться, но и почти убил своего врага! Силен, однако...

Олег вытер оружие, спрятал в ножны, осмотрел одежду, ругнулся, стал раздеваться – уж лучше голым ходить, чем липким от крови.

Корабельщики тем временем разбежались по стоянке. Кто нырнул в дом, кто полез в амбар, иные разбирались, что за бочки и тюки лежат под навесами. Олег полез было следом, надеясь хотя бы просто завернуться в какую-нибудь ткань, но вовремя заметил в отдалении сохнувшую на веревке стираную одежду, повернул туда, выбрал себе нарядные суконные порты с вышивкой и зеленую атласную рубаху. Оделся. В полусотне шагов между соснами что-то блеснуло. Ведун прошел дальше и обнаружил цепь, украшенную тремя десятками железных колец. Все это добро валялась свободно, петлями. Олег поддел цепь ногой, отбросил чуть в сторону, пожал плечами:

– Интересно, зачем это здесь? Железо в этом мире дорого... С какой стати его тут так просто бросили?

Середин присел, потер цепь пальцами, принялся. Провел ладонью по одному из колец, тут же ощутил сальную скользкость.

– Вот тебе и ква!

Все сразу стало ясно: цепь предназначалась для рабов. Пленников заковывали, держали до окании, потом отправляли куда-то на продажу.

– Однако солидно они тут обосновались. Бизнес продуманный, не баловство. Странно, что ватага такая маленькая оказалась, – вслух подумал Олег. – Как бы гости нежданные не нагрянули...

Он поднялся, торопливо зашагал к домам:

– Эй, Тумдум! Давайте-ка тут не задерживаться. Добро взятое собирайте, и на ушкуй.

– Воин! Ратный! Дружище! – кинулся ему навстречу радостный купец. – Да тут столько... Столько...

Тумдум в порыве радости обнял ведуна и даже попытался оторвать от земли, но силенок не хватило. От купца явственно несло вином. Когда только он выпить-то успел? Схватка вроде едва закончилась.

– Любо воину нашему! – закричал кто-то от навеса. – Любо оборонителю! Здравницу ратному человеку!

К Середину подбежал молодой гребец, удерживая на вытянутых руках деревянный ковш, до краев полный чем-то желтовато-красным.

– Долгие лета храброму воину!

Ведун принялся – похоже, корабельщики нашли бочонок с сидром. Отнекиваться он не стал, выпил чуть кислый хмельной напиток до дна, но тут же сурово отрезал:

– Хватит гулять, мужики! Время дорого. Добро взятое собирайте и к ушкую несите. Ночевать среди трупов мне неохота.

– Да она сама на меня кинулась! – обиделся паренек. – Я не хотел, но таким половником башку враз разбить можно!

– Половником? – Олег отошел чуть в сторону, посмотрел на костер. Возле него в луже крови валялась разбойничья стряпуха. Совсем молодая баба, и тридцатника наверняка еще нет. И теперь уже не будет. Однако никакой жалости Середин почему-то не испытал. Наверное, после того, как увидел цепь, на которой тати держали рабов. Ведь стряпуха, живя с душегубами, невольников тоже ничуть не жалела.

– Вон он какой! Вместо молота кузнечного пользоваться можно! – снова попытался оправдаться корабельщик.

– Да и фиг с ней. Правильно сделал, никто тебя не упрекает, – отвернулся Середин. – Рано еще гулять, говорю. Веселиться будете, когда товар на борт погрузим.

– Да-да, верно ратник рассказывает, – заторопился Тумдум. – Давайте, допивайте быстро, и за работу!

Награбленных товаров в доме и амбаре оказалось изрядно, за одну ходку унести все корабельщики не смогли, пришлось обернуться аж три раза. Но несмотря на то, что путь до Волги был изрядный, победители выгребли со стоянки все, не оставив ни единого бочонка с бражкой или солониной, ни поварских котлов у очага, ни даже тяжелого половника, столь испугавшего молодого гребца. Естественно, работа растянулась до глубокой ночи – уставшие корабельщики смогли упасть на отдых возле родного ушка только перед рассветом, проспав на следующий день почти до полудня.

Впрочем, довольные нежданно свалившимся богатством путники особо задержкой не обеспокоились. Счастливый Тумдум, лазая по наваленным выше бортов тюкам и бочонкам, наверняка уже мнил себя избранником Макоши⁴ и даже разрешил отдохнуть своим людям до вечера, дабы от души отпраздновать свою победу над разбойниками – благо вина теперь было в достатке, а припасы можно было есть без счета.

– Любо нашему воину! Любо славному ратнику! – даже во хмелю корабельщики не забывали, кому обязаны жизнью и добычей. – Всегда с нами плавай, Олег! Любо!

Ведун, поддавшись общему веселью, тоже осушил один за другим три ковша вина. В голове шумело, на душе было благодно и спокойно, и он ничуть не обижался на пьяненького Ерша, который уже в третий раз заводил один и тот же разговор:

– Странная, однако, у тебя дочка, друже. Когда ты намерен чуть не утоп, она даже бровью не повела. Иная к батюшке кинулась бы, обняла. Слезами радости грудь бы оросила. Твоя же и с места не сдвинулась, ровно истукан деревянный. А когда ты логово разбойничье отправился искать? Рази испугалась, обеспокоилась? Нет, не шелохнулась! Когда вернулся, тоже ни обнять, ни слова радости сказать не кинулась.

– Я учил ее спокойствию, Ерш, умению скрывать чувства. Недостойно воспитанной женщине, ровно девчонке малой, по каждому поводу слезу пускать, – объяснил Середин. – Да и что со мной случиться может? Мне сражаться, что дышать. Столько раз рубился, счету нет. Вот она за меня и не боится.

– Не ест, не пьет, по нужде не ходит, за отца не боится, не прощается, не здоровается... Что же у тебя за дочь такая растет? – Старый корабельщик поднялся, сходил к бочонку, зачерпнул еще вина, прихватил горсть сладкой солнечной кураги, опять вернулся к ведуну: – Странная у тебя дочка. Зело странная... Ты не поверишь, но когда ты чуть не утоп...

Вестимо, у Ерша с памятью и на трезвую голову не совсем в порядке было. А во хмелю все услышанное испарялось из его головы быстрее, нежели он успевал осушить очередной ковш сидра.

– Да поссорились мы намеренно, вот и дуется, – решил поменять показания Олег. – Ты же знаешь, что за капризули девки в ее возрасте...

⁴ Макошь – богиня судьбы, плодородия, хозяйственности и достатка.

Из леска за прибрежными кустами внезапно раздался истошный вопль, послышался треск, на берег вывалился бледный как полотно молодой гребец, рукой указывая куда-то себе за спину:

– Там... там...

– Что там?! – поднялся Тумдум.

– Там... – Паренек полез обратно в кусты, несколько корабельщиков, поднявшись, пошли следом.

Ведун тоже не справился с любопытством, вместе с общей толпой пробрался в березняк и судорожно сглотнул, увидев обглоданное до костей человеческое тело. Причем обглоданное совсем недавно и еще пахнущее свежей кровью.

– Да смилуется над нами Похвист, – вскинул руку к лицу купец. – Кто это? Наш или чужак?

– Откуда тут чужаку взяться? – мотнул головой старый Ерш. – Недавно загрызли. Мы бы незнакомца заметили.

– Тогда кто? Кого не хватает? – повернулся Тумдум к своим людям. – Кто? Кого не вижу? Тягуль?

– Здесь я! – поднял руку один из пожилых корабельщиков.

– Семар?

– Живой я, Тумдум, здесь...

– Тарань? Тарань, отзовись!

В этот раз ответом была гнетущая тишина.

– Тарань!!!

– Может, на берегу? – зябко повел плечами Ерш.

Корабельщики вернулись к Волге, заголосили, но молодой гребец так и не отозвался.

– Кто видел его последним? – попытался взять расследование в свои руки Олег. – Сегодня на глаза кому-нибудь попадался?.. А вчера?

– Он на ушкуе остался, – вспомнил купец, торопливо поднялся на борт: – Девочка, ты не видела, куда паренек вчера ушел? Курчавенький такой, с голубыми глазами и острым носом, как у рыбы.

– Они вчера следом за вами пошли, – негромко ответила Сирень.

– Как за нами? – не поверил купец.

– Сказали, тоже хотят, – и пошли.

– Все трое?! – Тумдум развернулся к берегу: – Кузя, Мох! Отзовитесь!

Корабельщики молчали.

– Вот проклятие! Что, все трое сгинули?! И никто не видел, не слышал?!

– Девчонка видела! – отозвался кто-то из мужчин.

– Ты же не хочешь сказать, что одна маленькая девочка загрызла троих крепких парней? – громко пресек намеки Середин, положив руку на рукоять сабли. – Она что, волчица? Да кабы и так, никакому зверю с тремя оружными людьми не справиться. А у них и топоры были, и ножи.

– Тумдум, друже, подь сюда... – позвал купца старый Ерш. – Иди, иди, на ушко чего шепну...

Такая таинственность Олегу не понравилась, но и помешать он не мог. Корабельщики, отойдя, засовещались, недобро поглядывая в его сторону. Ведун вздохнул, перешел ближе к берегу. Он так прикинул, если что – на песчаном мелководе драться будет сподручнее всего. На малой глубине вода двигаться зело мешает. Стало быть, одному против десятка отбиваться выйдет легче.

– Семар, Тягуль, сюда пойдите! – поманил самых старших мужчин команды купец.

Они еще немного поговорили, и оба ушкуйника поднялись на корабль, стали возиться с вещами. Вскоре снова сошли на берег, неся несколько мешков. В том числе и заплечный Середина. Переглянулись, подошли к ведуну.

– Ты это, ратник... – выступив вперед, за всех высказался Ерш. – Мы по совести и по справедливости. И по уговору. Половину обещали, половину кладем. Себе товар оставили, тебе – все золото и серебро, что с татей взяли, и казна купеческая, и припасы на дорогу.

– Вы чего, решили меня здесь бросить? – Олег наконец понял, к чему клонит корабельщик.

– Ты, ратник, зла на нас не держи, – чуть попятился Ерш. – Мы ссоры не ищем. Однако же и ты нас пойми. Дочка твоя ничего не пьет, не ест. А опосля люди пропадают. Нехорошо сие. Все плохо. Не повезем мы вас дальше. Что хочешь делай, а не повезем. Давай лучше по-доброму, воин. Ты свое получил, у нас перед тобой долгов нет. Забери девочку с ушкуя. Лучше миром все порешим. Мы дальше сами, и вы сами... Тихо разойтись для всех хорошо выйдет. Что скажешь, ратник?

– Я могу поклясться любыми богами, что никто из вас не получит ни царапины!

– Не надо, воин. Не хотим, – мотнул головой старый Ерш. – Мы в клятвах не сильны. А страх такой нам на корабле не надобен. Уходите. Не доводи до греха, ратник, забери от нас девочку. Мы с нею далее не поплывем.

– Ты обещал доставить меня в Кострому, Тумдум! – нашел взглядом купца Олег.

– Общество так решило, воин, – вскинул голову мужичок и тут же закашлялся, потер шею. – Знамо, побить ты нас можешь, да токмо кто тебя тогда повезет? А с дочкой твоей люди плыть не хотят, боятся. Мы ведь все по совести, мы тебе и долю оговоренную оставляем, и сверху за обиду добавили, и припасы всякие... Давай по-доброму разойдемся, ратник. Всем от того легче будет...

В одном Тумдум был прав: даже если Середин победит в очередной схватке, пользы это ему не принесет. Да и ратное счастье переменчиво – в драке один против десяти можно и проиграть. И как ни крути, ни живыми, ни мертвыми юную ведьму корабельщики дальше не повезут. Слишком боятся. И, в общем-то, есть за что...

– Сирень! – вздохнув, позвал спутницу ведун. – Иди ко мне, девочка. Да пребудет с ними милость Сварога. Пусть плывут.

Ведмочка спорить не стала, спрыгнула на берег. Корабельщики, с видимым облегчением, поспешно забрались на ушкуй, отчалили и покатались вниз по течению в уже совсем близкие сумерки. Даже бочонки с недопитым вином забирать не стали.

– Сирень, что на самом деле случилось с этими тремя пареньками? – спросил Олег.

– Они сперва смеялись, потом стали меня хватать, потом полезли руками под сарафан, – мерно перечислила ведьма. – Мне это очень не понравилось. Я скинула их на берег и позвала волков.

– Нечто подобное я услышать и ожидал. – Середин отошел к бочонкам, зачерпнул вина, выпил.

– Почему ты меня не ругаешь? – удивилась ведьма. – Я убила еще троих людей.

– Люди – это те, кто помогает ближнему своему, – пожал плечами Олег. – А те, кто ворует, убивает, насилует, это уже не совсем люди. Ругать за их смерть не принято. Скорее, наоборот, хвалят. Просто друзья и родственники подобных... мертвецов... Они все равно жалеют убитых и стараются за них отомстить.

– И что тогда?

– Тогда убитых становится намного больше. – Ведун допил вино и стал развязывать оставленные ушкуйниками мешки. – Давай устраиваться на ночлег. Утро вечера мудренее.

Плохая примета

Телефон зазвонил, когда Ольга закончила уборку в клетке Клинтона – так прозвали в зоопарке излишне активного орангутанга. Годы прошли, обезьяна постарела, про американского президента все забыли, а кличка осталась, вызывая недоумение посетителей. Девушка глянула на имя абонента, поморщилась, но ответила.

– Вылазь на парковку, – потребовала Роксалана. – Хочу еще один фокус со своим амулетом попробовать.

– Я на работе!

– Мне по фиг, – уже в который раз сообщила миллионерша. – Или в тюрьму захотела?

– Хорошо. Сейчас переоденусь, – бесшумно, одними губами, ругнувшись, ответила Оля.

Немного поколебавшись, у директора она решила не отпрашиваться. Все едино работа почти сделана, так что ее отсутствия, скорее всего, вовсе не заметят. В клетках чисто, вода свежая, обезьяны сытые – значит, и техник где-то здесь, в зоопарке. Мало ли куда отлучиться понадобилось?

Переодевшись, девочка вышла через ворота для посетителей, сбежала по ступеням, направившись к знакомому джипу с тонированными стеклами. На миг увидела свое отражение: хрупкая девчушка с заколотыми за ушами кудряшками, в джинсах и мужской рубаше с засученными рукавами. Открыла дверцу.

– Привет! – Роксалана тут же завела мотор, включила передачу.

Миллионерша выглядела куда как ярче: грудастая, мясистая, со стянутыми на затылке в узел волосами и холодным взглядом убийцы. Пожалуй, возрастом дочь нефтемагната была лишь ненамного старше Оли, но вид у нее был уже совершенно взрослый, матерый. А вот в Олино совершеннолетие никто никогда не верил. Даже в клубах без паспорта пива не давали. И ведь это Ольга работала в обезьяннике, таскала тяжелые ведра с опилками и водой, орудовала лопатой и граблями – в общем, вкалывала как лошадь! Однако все равно оставалась шуплой. А холеная миллионерша смотрелась натуральной лошадю. Вот и верь после этого в пользу физических нагрузок!

– Короче... Ведьма моя, которая с переломом челюсти лежит, вроде как сипеть что-то начала, – пояснила Роксалана, выезжая на улицу. – Так что попытаемся повторить прежний опыт, но тебя слегка зафиксируем. Может быть, все же получится Олежку с тебя на меня переключить. Ну, а дальше мы с ним как-нибудь сами разберемся.

– Хорошо бы, – вздохнула девушка, которой уже давно надоело быть собачкой на поводке.

Джип, вылетев на проспект Славы, на хорошей скорости мчался из города. Оля, откинувшись по подголовник, прикрыла глаза, гадая над тем, влетит ей за сегодняшний невольный прогул или нет, когда вдруг резкое торможение заставило ее прийти в себя.

– Светофор... – словно извиняясь, пояснила Роксалана.

И тут вдруг двери джипа распахнулись, на голову девочке надернули мешок, перехватив его у горла тугой резинкой, рванули наружу. Оля услышала испуганный крик Роксаланы, но ей самой тут же зажали рот, поволокли, куда-то бросили. Пол под спиной дернулся, закачался. Значит, она оказалась в другой машине. Пленницу быстро перевернули на живот, связали чем-то руки за спиной.

– Вы ошиблись! Это не я! – Девочка услышала совсем рядом знакомый голос. – Меня зовут Ольгой, я работаю в зоопарке! Это она Роксалана!

– Что?! – дернулась Оля. – Неправда! Ольга – это я!

– А нам без разницы! – сказал мужской голос. – Кто из вас шлюха гламурная, а кто уборщица, пусть Делесин в морге разбирается. Он нас на пятнадцать лямов кинул, а мы его дочурку с моста бросим. Как он с нами, так и мы с ним.

– Нет! Это не я! – взвизгнула в ужасе Оля. – Это она Роксалана! Это она дочь Делесина!

– Я Ольга! А она миллионерша! – вторила ей Роксалана. – Отпустите меня! Я никому не скажу.

– Хорош брыкаться! – Девочка ощутила, как ей туго связывают ноги. – Говорю же, нам все равно. Что один шлепок на асфальте, что два. Пусть папа потом разбирается, кто из вас дочка, а кто бонусом идет.

Машина резко, с визгом тормозов остановилась, щелкнул замок, шумно откатилась в сторону дверца, девочку вытащили, перевалили через какие-то перила, придержали. Оля ощутила, как ее привязывают к кому-то грудастому. Похитители сорвали мешок, и Ольга увидела прямо перед собой лицо Роксаланы. Краем глаза заметила фургон слева, железнодорожные пути внизу.

– Пока, девочки, – сказал парень в темных очках и толкнул их с перил.

От страха у Оли помутилось в глазах... и очнулась она, уже дергаясь вверх-вниз в нескольких метрах над придорожной канавой.

– ... все равно достану! – резко выдохнула в лицо Роксалана.

– Чего? Кого? – не поняла девочка, крутя головой. – Где мы, что случилось?

– Ничего! – зло ответила миллионерша. – Мы попали в программу «Розыгрыш». Сейчас нас за резинку наверх вытащат и цветы вручат. Ты хоть слышала, чего я тебе говорила?

– В машине?

– Нет, про золото.

– Какое золото?

– Ладно, проехали... Пошли со мной. – Роксалана подошла к такси, стоявшему сразу за фургончиком, открыла дверцу: – Отвезите мою подругу туда, куда скажет. А я тут пока с шутниками разберусь.

Миллионерша сунула водителю зеленую банкноту и посторонилась:

– Садись, подруга. Извини, что так получилось. Отложим опыты с ведьмой на другой раз.

* * *

Пить речную воду ведун не рискнул, промочил горло сидром, благо его и кураги корабельщики оставили с избытком, и стал разбирать оставленные ему мешки. В одном из них был вощенный пакет с сушеным мясом – мелко нарезанной и обжаренной крупкой, которую можно есть, едва запарив кипятком. В холщовых мешочках обнаружили гречку и манка. Так что с припасами Тумдум и Ерш не обманули – голод Середину не грозил. В другом мешке оказалась овчина – не его, чужая. В третьем – его собственные припасы, в четвертом – несколько серебряных и золотых гривен, кубки и тарелки с самоцветами, браслеты, кольца, височные кольца и прочая красота из драгоценных металлов. Причем довольно много – килограмма на четыре, не менее. Разбойники успели неплохо разжиться на торговых людях. Не иначе – караван-другой «пощипать» сумели. Если среди татей имелся чародей, способный напускать сон, – ничего сложного. Убаюкать всех корабельщиков каравана, да из череды ладей самую богатую к себе в сторону отвести. Когда остальные проснутся – течение их уже на много верст вниз по Волге унесет. Товарищам помочь не смогут.

– Золото... – взвесил в руке добычу Олег. – И чего мне теперь с тобой делать?

Нельзя сказать, чтобы Середин не любил деньги. Душу бы за золото, конечно, не продал, но и умопомрачением тоже не страдал. С деньгами и жить, и путешествовать завсегда удобнее. Но одно дело – на лодке с сокровищами плыть или в чересседельной сумке казну везти, и

совсем другое – на собственном горбу лишних четыре кило переть. Золотом ведь на привале не укроешься, в котелке его не заваришь. Пользы от него никакой. А чтобы свечелку на постоялом дворе снять, лошадь купить, место заполучить на ушкуе попутном – пяти гривен серебром за глаза и за уши хватит. Целый год жировать можно. Причем этими самыми гривнами Олег еще в Пскове разжился.

– Не было у бабки печали, купила себе бабка поросю... – пробормотал он, затягивая узел мешка с сокровищами.

– О чем ты, колдун? – проявила любопытство Сирень.

– Выбросить жалко, тащить тяжело.

– Закопай где-нибудь, потом заберешь, – посоветовала девочка.

– Сам знаю, – кивнул Олег. – Вот только где? Берега вон какие, одни болота кругом.

– До того, как вас сном сморило, ушкуй холм проплывал. Я помню. Перед излучиной. Сходи туда. Я подожду.

– Вместе пойдем, – после короткого раздумья решил Середин. – До Белой крепости отсель всего верст десять будет, до вечера доберемся. Отдохнем, лодку нанять попытаемся. А вниз по течению этих болотин еще невесть сколько, я там ничего не знаю. Может, еще неделю до ближайшей деревни топать придется.

Выпив пару глотков вина, он сложил вещи из четырех мешков в три, взвесил в руках. Самым тяжелым, естественно, оказался его – помимо обычных пожитков, там лежало полтора пуда брони: кольчуга, шлем, войлочный поддоспешник. Стеганку, которую толстяк залил кровью, пришлось выбросить – чему сейчас Середин только радовался.

Во втором были собраны припасы походные: подстилка, котелок, овчина, топорик, для которого не нашлось места за поясом. Плюс – четыре кило сокровищ. В третьем – съестные припасы и наполненный вином бурдюк. Без вина тоже не обойтись – пить воду, не разбавив ее чем-нибудь хмельным хотя бы на треть, летом категорически не рекомендуется. Разве только ключевую, в которой ни холеры, ни амебы не водятся. И то – риск. Можно, конечно, кипятить, но на это нужно время, а на переходе костром заниматься некогда. Итого как минимум полпуда.

– Вот, электрическая сила... А когда верхом скакал, лишним припасам только радовался. – Олег вскинул один мешок на спину, другой повесил на грудь, указал ведьме на третий: – Возьмешь?

К счастью, Сирень капризничать не стала, забросила котомку за плечи и легко зашагала вперед.

Уже через полторы версты Середин взмолился об отдыхе – переть на себе добрых шестьдесят кило по кочкам, ямкам и песчаным отмелям оказалось не так-то просто. Не столько тяжело, сколько опасно для ног – несколько раз Олег едва не вывихнул ступни. И когда впереди показался продолговатый холмик, поросший толстыми вековыми соснами, ведун без колебаний скинул мешки. Косарем разрыхлил песок между корнями одного из деревьев, вырыл яму примерно по пояс, опустил в нее прямо в мешке котелок с золотом, прикрыл сверху куском коры, засыпал песком, кинул тяжелую корягу в качестве приметы и с облегчением перевел дух:

– Одной головной болью меньше!

Теперь поклажа стала ощутимо легче, однако все равно оставалась изрядной, даже обычным шагом идти удавалось с трудом, особенно через взгорки, и еще задолго до вечера Середин выдохся:

– Все, Сирень! Привал! У нас гонки нет. Придем в крепость на день позже, ничего от этого не случится.

Отступив от берега и найдя сухую возвышенность, он скинул вещи, немного отдохнул, потом собрал валежник, развел костер, заварил себе мяса с манкой, хлебнул для бодрости чуток хмельного. На душе стало немного легче. Подумаешь, мешки тяжелые – еще пять верст как-нибудь вытерпит. А там... Можно ведь попутных ладей не ждать, просто купить лодку-

однодревку да самому дальше поплыть. Вниз по течению – ничего трудного. Подправляя только веслом, чтобы на берег не выкинуло, а течение само до Костромы донесет.

Сирень не спеша бродила по окрестному лесочку, гладила березки и осины, позволяла птицам садиться себе на ладони и на голову, о чем-то болтала с белками и бурундуками. Олег подозревал, что где-то здесь, недалеко, скрываются и верные спутницы молодой ведьмы – серые матерые волки. Но девочка их не звала – и они не показывались.

Однако все это ведуна ничуть не беспокоило. В последние дни между ним и плененной хозяйкой леса установились достаточно доверительные отношения. Олег смог пробудить ее любопытство к новым впечатлениям, она отказалась от совсем уж явной вражды. Понукать девочку лишний раз, доказывая власть, обижать ее недоверием Середин не хотел. Пусть гуляет. Захотела бы убежать – давно бы попыталась.

Каша поспела – ведун снял ее с огня, достал из чехольчика ложку, еще раз перемешал, приступил к трапезе. Неожиданно кто-то тихонько постучал его по плечу. Олег резко обернулся, едва не опрокинув котелок, но никого не увидел. Он снова взялся за ложку – плечо снова тронули. И опять никого позади не оказалось. Стоило зачерпнуть кашу – опять чьи-то пальцы явственно пощекотали шею.

– Сирень, ты?

Послышался тихий смех, густые заросли ивняка легли, пропуская через себя девочку, поднялись снова. Лесная ведьма протянула руки к огню и сказала:

– Там на берегу какие-то корабельщики остановились. Ласточки нашептали, что сверху пришли. Коли тебе тяжело мешки таскать, можешь к ним в попутчики попроситься.

– Верно говоришь? – восторженно Середин. – Или шутишь?

– Сходи да посмотри, – пожала плечами девочка. – Они там, за ручьем...

Береза за спиной юной ведьмы встряхнулась и вытянула свои тонкие ветви, указывая ими куда-то за темно-зеленую лещину.

Волочить на себе половину центнера еще пять верст Олегу не хотелось, и потому он, быстро доев ужин, облизал ложку и отправился в указанном направлении.

Сирень не обманула. На берегу и вправду горел костер, в отблесках которого качалась на воде огромная крутобокая ладья. На таких обычно вмещается до полусотни судовых ратников и четыре десятка человек команды, но возле очага на берегу собралось всего шестеро.

Хотя, с другой стороны – коли воевать они не собирались, от одного русского города к другому плыли, то зачем судовую рать зазря катать? Вниз по течению можно и малым числом товар довести.

– Мир вам, добры люди, – подойдя ближе, поздоровался Середин. – Да будут милостивы к вам Похвист и Стрибог, а ночная богиня Стреча одарит вас хорошим отдыхом.

– И тебе хорошего вечера, внук Сварогов, – приветливо отозвались путники. – Присаживайся к огню, отдохни, согрейся, испей с нами сыта сладкого. Более угостить, прости, нечем. Только что поужинали.

– Спасибо вам, я сыт, – кивнул ведун, но ближе к свету подошел. – Вижу, торопитесь куда-то, в Белую крепость заворачивать не стали. Куда спешите, коли не секрет?

– Ныне до Углича, – ответил крупный собой купец с коротко стриженной бородой и пышными усами, в расшитом на груди желтыми спиралями кафтане. – Там далее видно будет. Как товар пойдет... А ты откуда здесь на пустынном берегу оказался, мил человек?

– В Кострому плыву с дочерью... Да вот с лодкой немного не заладилось. У вас на ладье места еще для двух путников не найдется? Я заплачу.

– До Костромы мы еще не скоро доберемся, – посмотрел на своих товарищей купец, словно советуясь. – В Угличе на несколько дней точно застрянем.

– Так дальше и не надо! – торопливо заверил Олег. – Я там на другую какую лодку пересяду. В тех местах, знаю, их много плавает.

– Ты вот что, мил человек, – подбросив полешко в костер, тихо сказал другой путник: плечистый, бритый наголо, кутавшийся в замшевый плащ с беличьей оторочкой. – Ты утром, после рассвета, приходи. А то ведь иной раз зело странные существа в сумерках вечерних к огню выходят. На вид вроде как и люди... Но коснешься ненароком, опосля месяц кошмары заснуть не дадут. Коли в тумане болотном на рассвете не развеешься, то так и быть, приходи. Тогда и о плате сторгуемся.

– Договорились! – И Середин отошел от костра.

Путники были правы: вода, сумерки и близкое болото – самое любимое сочетание для любой нежити. Странно, что до сих пор еще никто возле него самого не появился.

Хотя Сирень любую иную нежить с головой перекроет. Чуют небось ведьму, вот и не суются...

* * *

На рассвете Олег, повесив на грудь и спину тяжелые заплечные мешки, одолел последний переход – к счастью, недалекий – и скинул свое добро на песок возле кострища:

– Вот и я, други. Как видите, туман болотный меня не съел. А это дочка моя. – Он помог девочке снять третий мешок. – Сиренью ее зову.

– Ну и славно, – приветливо сказал чернобородый купец. – Сыто допьем и отчалим.

Он зачерпнул ковшом из котла желтоватый напиток, осушил почти полностью и перевернул, стряхивая последние капли в угли:

– Раздели трапезу нашу, могучий Стрибог, награди нас попутным ветром и хорошей погодой.

Купец передал ковш товарищу слева. Тот тоже зачерпнул медового напитка, выпил, стряхнул капли в костер с тем же наговором, передал ковш бритому крепышу. Тот выпил, зачерпнул, протянул ковш Олегу, стоящему от него слева. Ведун повторил ритуал, осушив ковш чуть сладкого, с незнакомой пряностью, сыта, стряхнул последние капли, запросив у бога – повелителя бурь хорошей погоды, передал корец дальше.

Сняв опустевший котел, путники разобрали треногу, на которой тот висел, разворошили от греха угли, остановились перед Серединым.

– Ну, ты как? – поинтересовался купец.

– Я? Ты о чем?

– Хорошо себя чувствуешь?

– Хорошо... – ответил ведун и тут же понял, что это не так. В голове его зашумело, словно пил он не подслащенную медом воду, а крепкую водку, в ногах появилась слабость, мир вокруг потерял резкость. – Вы меня что, зельем опоили?

Олег схватился за саблю, но вытянуть ее не смог, сделал пару шагов вперед, споткнулся, но того, как упал, уже не запомнил.

* * *

Струя холодной воды, пролившаяся на лицо, заставила Олега фыркнуть и проснуться. Он вскочил было, но ощутил резкий рывок в ступне, упал обратно, непонимающе глядя по сторонам.

Похоже, ведун был именно там, где и хотел, – на ладье. Но только голый, на гребной банке и прикованный за щиколотку на толстую ржавую цепь.

– Сам Стрибог послал тебя на нашу ладью, придурок тверской! – расхохотался лысый крепыш, стоя над ним, широко расставив ноги. – У нас вчера как раз сдох один гребец. Тут ты и явился... – Он взмахнул плетью, и плечи Середина обожгло хлестким ударом. – Весло

на воду! Будешь лениться – заporю! Такого добра, как ты, в здешних краях завсегда свежего наловить можно. Ну, пошевеливайся! – Плеть рванула кожу еще раз, и Олег поспешно схватил лежавшую поперек ладьи толстую лопасть, просунул ее в окошечко справа от себя, взялся за темные выемки на конце.

– Слушай меня! – Лысый крепыш пошел по настилу, набитому над сиденьями от кормы до носа. – А ну, приготовились! И-и-и... раз! Еще – раз! Еще – раз! Гребем, гребем, дармоеды!

Работая в общем ритме, ведун тихо костерил себя за излишнюю доверчивость. Это же надо – торговым людям позволил себя без свидетелей на борт заманить! Можно подумать, он не знал, что именно купцы испокон веков и были везде и всюду главными разбойниками. Там, где местные в силе, – торгуют. А где слабость почуяли – грабят без малейшего колебания. Подумаешь – в самом сердце Руси ладья плывет! Нрав-то купеческий от сего не меняется. Безнаказанность почуяли – тут же и хапнули, что в руки пришло.

Теперь у него не было ни одежды, ни оружия, и даже освященный крестик исчез с руки. О колдовстве предупреждать нечему. Хотя, с другой стороны – какая разница? Даже учуяв опасность – куда он с цепи денется? Закреплена она была на совесть: зубчатый клин, крепко вбитый в поперечный брус, сварная петля. Как кузнец, Олег знал, что выдернуть такой клин можно только вместе с окружающей щепой. Проще говоря – разломав брус. На ноге, правда, вместо заклепки стоял клин с выемкой. Кувалдой его можно выбить быстро и без особого труда. Однако кувалды гребцам, понятное дело, не полагалось.

Невольников вместе с ним набралось двадцать человек. Десять у одного борта и десять у другого. Хотя, может быть, где-то на судне были еще какие-то рабы. Хозяев, похоже, – шестеро. Плюс – Сирень с независимым видом стояла, опершись на борт и глядя вперед. Никакого беспокойства, ни криков, ни слез. Кабы Середин не знал, кто это такая, – решил бы, что она из компании рабовладельцев. Наверное, купцы не позволили себе никаких грубостей в ее отношении – и лесная ведьма тоже не стала вмешиваться в человеческие дела.

За бортом медленно проползали уже знакомые ведуну места. Именно здесь ушкуйники дрались с разбойниками, а потом разыскивали их лагерь. Вот устье ручья, в котором прятался струг, вот прибившиеся к берегу тряпки и треснутый черпак, рваная шапка кого-то из погибших. Но на ладье о недавних событиях никто, конечно же, не догадывался. Купцы миновали излучину, другую, проплыли пару верст по прямой.

– Улав, Медведица! – крикнул с кормы один из купцов.

Лысый крепыш, встрепенувшись, пробежал по настилу, взмахнул плетью:

– Ну-ка, навались! Резче гребем, резче! И-и, раз! И-и, раз! Навались!

Гребцы заработали веслами чаще, а кормчий налег на рулевое весло, пуская ладью в широкий поворот. Разогнавшись, она свернула в устье какого-то притока, от силы на треть уступающего шириной Волге, стала пробиваться против течения по самой стремнине.

– Не ленись, не то заporю! Резче гребем, резче! – продолжал подгонять рабов лысый Улав. – Р-раз! Р-раз! Р-раз!

Выкладываясь изо всех сил, гребцы загнали корабль вверх по течению версты на три, и кормчий повернул влево еще раз, в протоку поуже. Здесь ладья помещалась уже с трудом, однако еще на версту они все-таки протиснулись, то и дело цепляя веслами прибрежные камыши и рогоз. Наконец ладья остановилась – кто-то из купцов кинул сходни, спустился на берег, закрепил канат.

– Суши весла! – Лысый крепыш прошелся по настилу. – Можете дрыхнуть, дармоеды. Жратву получите перед закатом.

Уставшие гребцы с облегчением повалились на банки, опершись спинами на борт. Олег испытывал буквально наслаждение от того, что больше ничего не нужно делать, – и скорее всего, остальные невольники чувствовали то же самое.

Как все-таки мало нужно человеку для счастья...

Когда стало смеркаться, двое купцов раздали гребцам по копченому лещу, кинули на каждую сторону по бурдюку воды, который медленно прошел от кормы к носу. Этого добра за бортом было в избытке, и потому каждыйпил, сколько хотел. Но вот после единственной небольшой рыбины Олег остался таким же голодным, как и перед ужином. Хорошо хоть после трудного дня сон сморил его мгновенно – словно молотком по голове ударили.

На рассвете за невольников взялся мужичок по имени Черем – с морщинистым лицом, нечесаный, с клочковатой бородой цвета прелой листвы и пахнущей точно так же. Подставив под ножное кольцо небольшой железный брусок, он выбивал клин, вместе с лысым крепышом выводил гребца на берег и за правое запястье приковывал на другое кольцо, которое держалось на пеньковой веревке, привязанной к носу. Как понял ведун – это была упряжь бурлаков.

Когда к веревке пристегнули Олега, половина рабов уже была здесь.

– К кому я попал, мужики? – спросил Середин, едва Черем с Улавом ушли на ладью.

– Кривичи, – негромко ответил ближний невольник: жилистый, с вытянутым лицом, впалыми щеками и голубыми глазами. Хотя тощими и жилистыми здесь были все. – Разбойничают. На Ловати, Волге, Двине. А схрон главный у них возле Полоцка. Как раз оттуда...

Появились хозяева с очередным невольником, и гребец резко замолк, потупив взор.

– Тебя хоть как зовут-то? – спросил Середин, когда Улав и Черем ушли.

– Велимошом, – вздохнул раб. – В купцы отец с матушкой пророчили. А оно вон как вышло.

– А меня Олегом кличут, новгородцем считаюсь.

– Угличский я, – сказал Велимош. – Еще Кошатак, Рига и несчастный Ясень. Вместе попались. Не понимаю даже, как это случилось? Закемарил, а проснулся уже на цепи.

– Понятно... – Хозяева привели к упряжи очередного раба, и Середин предпочел замолчать.

– Давай, потянули! – Улав хлестнул задних невольников по ногам.

Мужчины, не дожидаясь новых ударов, напряглись, натягивая веревки. Ладья качнулась, отвернула носом к середине речушки, поползла по ней.

На то, чтобы одолеть еще пять верст по узкому лазу – иначе узкий ручеек не назовешь, – ушел почти целый день. К вечеру впереди обнаружился неожиданный затончик размером примерно на две ладьи. Судя по тому, что дальняя его часть заросла рогозом, за которым открывался редкий чахлый березнячок – на самом деле это был край болота, расчищенный и слегка углубленный.

Трое из кривичских купцов ушли вперед. Старший, в расшитом кафтане, остался на ладье, что-то разбирая в трюме. Улав и Черем, отцепив веревку от носовой фигуры, прямо так, упряжью, погнали рабов в лес.

– Свенег, Свенег! – донеслись из чащобы крики. – Иди сюда!!! Всех побили!

Ведун криво усмехнулся. Он уже догадался, куда направлялись купцы-разбойники и что они увидели. Олег лелеял надежду, что и на Ловати он разорил именно их логово. Иначе ведь придется возвращаться и искать уцелевших татей.

– Иду!!! – Старший из купцов сбежал по сходям, обогнал невольников, ушел вперед.

Лысый же кривич с кузнецом довели гребцов до уже знакомой Середину цепи, быстро перековали: держать людей на веревке им казалось недостаточно надежно. Закончив работу, оба убежали в разбойничью слободку – да так и не вернулись. Даже покормить и напоить рабов не удосужились. Хорошо хоть работать не требовалось и рта никто не затыкал.

Двое из гребцов на разных концах цепи запели что-то заунывное, еще несколько о чем-то переговаривались, один паренек просто заплакал.

– Чего это он? – кивнул соседу на плаксу Олег. – Судьбинушку свою жалеет? Недавно в рабах?

– А ты, новгородец, неволе, никак, радуешься?

– Я тут ненадолго, – пожал плечами ведун. – Не первый раз попадаюсь. Но хозяева мои после сего обычно долго не живут. Примета такая.

– Сбежать надеешься?

– Зачем? – усмехнулся Середин. – От зла бегать нельзя. От него землю русскую очищать надобно.

– Все мы поначалу храбрились. – Велимош вздохнул. – Однако же кривичи – хозяева опытные, глаз никогда не спускают, без цепи ни на миг не оставляют.

– Посмотрим, – не стал спорить Олег.

– Смотри... – согласился угличанин.

Некоторое время они лежали молча. Однако вскоре Велимош заскулил и заговорил:

– Ясень это хнычет. Любаву свою все оплакивает.

– А что с ней случилось?

– Не с ней, с ним случилось, дубина! – покрутил пальцем у виска Велимош. – В рабство он попал! Отправился по шерсть, да сам оказался стриженным. А какая у них любовь была! Вся улица завидовала. Мы ведь, новичок, все с одной улицы... Ну, которые угличские.

– Когда мы с ней маленькими были, я ей случайно палкой в лицо попал, когда в лапту играли, – услышав, что говорят о нем, неожиданно встрял паренек. – До крови кожу порвал. У нее шрам после этого остался длинный и глубокий. Вот здесь, под правым глазом, от щеки до носа. Она плакала много и говорила, что некрасивой останется. А я тогда поклялся, что женюсь на ней, когда вырасту. Нам, когда сие случилось, всего по девять годков и было-то.

– Тили-тили-тесто, жених и невеста, – припомнил Велимош. – Дразнили мы их еще. Но они все едино за ручку ходили.

– Я знал, что мы поженимся, и она знала. К тому шли, к тому готовились, друг без друга себя не мыслили, – продолжил Ясень. – Но пока малыми были, все токмо смеялись, а как Любава «рубаху сняла»⁵, так отец ее тут же запретил встречаться нам начисто. Сказывал, неровня. Он литейщик знатный, по всей Руси его подвесы, браслеты и подсвечники вычурные ценятся, среди торговцев костромских, вологодских и ярославских дружбу водит. Хотел иного жениха, зажиточного, найти.

– Ну да, все как всегда, – ничуть не удивился Середин. – Всегда есть безумные юные влюбленные, и всегда есть злой богатый папа, который почему-то не желает оставлять дочку в нищете.

– Мы уговорились, что за два года я скоплю тридцать гривен, – продолжил свой рассказ паренек. – Ясень у нас там стоит на берегу приметный. Высокий, раскидистый, красивый. Мы под ним часто сидели. Там пообещались встретиться. Через два года. Срок же сей через две недели заканчивается. Я, видишь, плыву. Да токмо не с гривнами, а с цепью...

Он опять хлюпнул носом.

– С отцом договорился али с Любавой своей? – уточнил ведун.

– Отец условие сие поставил, коли замуж взять ее хочу, – сказал паренек. – А с Любавой сговорились встретиться под ясенем нашим, когда возвернусь. Уговорился вот с сотоварищами, да за купеческой удачей и погнались... Однако уже на второй день, чуть ли не под стенами родными, разбойники в полон повязали. Дрема нежданно сморила, ан проснулись уже здесь, на цепи. Опосля тати всех нас кривичам в гребцы на ладью продали.

– Не продали, – поправил Велимош. – Так отдали. Все они здесь заодно.

– Если вы по Волге плаваете, чего на помощь в городах русских не позвали? Почему не крикнули, что разбойники вас в рабстве держат? – удивился Середин.

⁵ «Снять рубаху» – стать девушкой на выданье. Девочки на Руси носили простую рубаху, а когда становились девицами на выданье, то начинали носить поневу (юбку). Данное событие даже сопровождалось особым ритуалом «запрыгивания в поневу».

– Да кто поверит невольникам-то? – отозвался рыжебородый мужик, прервав пение. – Все они всегда одно и то же кричат, одинаково на свободу просятся. Да токмо самым крикливым быстро кляп в рот забивают и порют опосля до полусмерти. К тому же на Руси Свенег дальние причалы выбирает. Скорее по голове молотком получишь, чем помощи дозовешься. Это он токмо в Полоцке своим волжскими рабами хвалится. Там это вроде за доблесть считают.

– Смирись, Ясень, – посоветовал кто-то другой. – Не судьба. Выйдет она через две недели под ваше дерево, всплакнет ненадолго, да и пойдет своим путем. Папа у нее хваткий, найдет хорошего супруга. Не пропадет твоя Любава, в девках не засохнет. Не боись.

Парень хлюпнул, развернулся, ткнулся носом в землю.

– Дубина ты тупая, Липичок! – в сердцах выдохнул Велимош.

– А чего я? – вскинулся рябой всем телом, белобрысый мужик. – Коли любит, так радоваться за девку должен, что судьба у нее добрая сложится, а не горевать, что в нищету затащить не удалось.

– Рано убиваешься, Ясень. Две недели впереди. Может, еще и управишься, – попытался утешить влюбленного Олег, но мальчишка почему-то разрыдался еще сильнее.

– Оставь его, – толкнул Середина Велимош. – Чего в ране больной ковыряешься? – Помолчал и добавил: – Но самое обидное, конечно, что аккурат в назначенный срок мимо проплывать будем. Однако же ни весточку передать не выйдет, ни взглядом перекинуться, ни слова прощального сказать.

Ясень заскулил громче.

– Ладно, молчу, – отмахнулся невольник, откинулся на спину и закрыл глаза.

* * *

Задерживаться на разоренной стоянке купцы-разбойники, понятно, не стали. С рассветом погнали рабов на ладью, сразу приковали одного за другим на весла. В этот раз ведун оказался на левом борту и увидел, как Черем, закончив работу, бросил кузнечный инструмент в сундук, подпирающий стенку носовой надстройки. Один из самых важных вопросов отпал сам собой.

Из заводи корабельщики вытолкали ладью шестами и, встав по бортам, удерживали корабль от столкновения с берегом. Течение волокло путников не торопясь, со скоростью унылого пешехода. После полудня, под слабо морозящим дождичком, ладья выкатилась из протоки на более широкую речушку и к вечеру выплыла на полноводную Медведицу.

Здесь недовольный чем-то Свенег приказал бросить якорь и вставать на ночь. На берег корабельщики сходить не стали – видно, не хотели под дождем с сырым валежником возиться. Лысый Улав побросал гребцам по куску солонины, добавил для сытости по горсти квашеной капусты.

– А вода? – спросил Липичок.

– Язык высунь, – огрызнулся крепыш, указав пальцем на пасмурное небо, и ушел на нос, где кривичи натянули для себя навес из парусины. На голых гребцах намочать было нечему – так что о них хозяева беспокоиться не стали. Не сахарные, не растают.

– Хорошо, – перекусив, откинулся спиной на борт Середин и открыл рот, ловя в него частые прохладные капли.

Велимош, Ясень и словоохотливые гребцы оказались ныне у другого борта, а потому спросить, чему так радуется новичок, было некому.

Ночь быстро вступала в свои права. Низко ползущие над землей тяжелые тучи, что превращали день в сумерки, а сумерки – в мрак, быстро утомнили и гребцов, и их хозяев, да и птиц с кузнечиками и лягушками тоже было не слышать. Тем не менее ведун никуда не торо-

пился. Чтобы не заснуть, он мысленно напевал, покачиваясь из стороны в сторону, и прикидывал, как лучше поступить со своими жертвами.

«Пожалуй, убивать не стану, – наконец сказал он себе. – Пусть мужики решают, кто из них чего больше достоин. А я...»

– ...Стану не помолясь, выйду не благословясь, из избы не дверьми, из двора не воротами, мышью норой, собачьей тропой, окладным бревном, – разминая плечи, начал читать заговор ведун, – выйду на широко поле, спущусь под круту гору, войду в темный лес. В лесу спит дед, в меха одет. Белки его укрывают, сойки его поят, кроты орешки приносят... – Середин поднялся, нащупывая ближайшее весло. – Проснись, дед, в меха одет. Дай мне хитрость лисью, силу медвежью, ловкость кунью, глаза кошачьи, уши волчьи...

В лесу этот заговор действовал лучше всех прочих – и мрак почти сразу рассеялся, превратившись перед кошачьим взором в серые однотонные сумерки. Опустив рукоять весла вниз, к самому клину, ведун намотал на него три витка цепи, опер краем рукояти на свою гребную банку, дотянулся руками до лопасти и резко, всем весом, на ней повис.

Больше всего он боялся, что сломается рукоять, но прочная ясеневая древесина нагрузку выдержала. А вот клин, на который пришлась нагрузка, пятнадцатикратно увеличенная благодаря длинному рычагу, вылетел из бруса с легким хрустким щелчком, стукнулся о сиденье и шлепнулся назад на днище.

– Кто там шумит? – сонно приподнялся под навесом Улав. – А ну, цыц! По плети соскучились?

Середин, послушавшись, аккуратно положил весло на место, прихватил клин в руку, чтобы не звякал, выбрался на настил, прокрался к ящику с инструментом, открыл. Нашел опорную пластину под заклепку, среднюю кувалду с округлым бойком, примостился рядом и стал выбивать клин из своего кандалного кольца.

Тихо не получилось. От раздавшегося над ухом грохота лысый Улав вскочил на ноги, заревел:

– Что там творится?!

Олег на миг отвлекся от работы и саданул ему молотом по своду стопы. Крепыш заорал еще громче и свалился на бок. Однако его место занял кузнец, метнувшийся к сундуку. Его ведун осадил ударом в лоб и вернулся к работе.

– Кто здесь?! А ну, выходи! – Третий купец выскочил с мечом. Клинком кривич тыкал в темноту над головой ведуна, а босые ноги его топтались возле серединского колена. Олег перед соблазном не устоял – и горе-войка рухнул на Улава.

Четвертый кривич оказался умнее: попытался врага заколоть, сделав стремительный выпад на звук ударов. Увы, лезвие прошло на расстоянии в локоть от цели, и наградой за ловкость стал удар милосердия в близкий висок.

Свенег с последним своим товарищем завозились в самом носу, чиркая кресалом, и Олег наконец-то смог закончить начатую работу. Он сбросил кандалы с ноги как раз в тот момент, когда купец наконец зажег свечу и выступил вперед:

– Это ты, бродяга?

– А ты думал, тут нечисть болотная буянит? – Олег намотал цепь на левую руку, нагнулся и отобрал меч у стенающего разбойника с раздробленной ногой. – Извини, Свенег, тебе не повезло. Я буду куда опаснее.

– Слава Перуну!!! – Из-за спины хозяина бросился вперед разъяренный бородатый кривич.

Ведун встретил клинок витками железной цепи, рубанул в ответ. Но не кривича и не купца – он срубил свечу. А когда под пологом снова наступил мрак, быстро и деловито покончил с обоими противниками.

В наступившей тишине стало слышно, как настороженно перешептываются гребцы. Торопиться к ним Середин не стал. Уж очень ему не нравилось ходить голышом. А голым он себя ощущал в первую очередь без креста на запястье. В конце концов, ведун был не единственным магическим существом в этом мире.

К счастью, Свенег оказался жаден – прятать серебряный амулет далеко не стал, повесил себе на шею. Ведун забрал свое добро, а заодно и расшитый кафтан, который действительно был красив, пошарил по тюкам в поисках собственного оружия. Пока нашел – оделся уже полностью, пусть и не в свое. Впрочем, за последние дни из своего тряпья у него и так ничего не осталось.

Приведя себя в порядок, Олег подобрал свечу, зажег, прошел по помосту, присел на корточки возле Ясеня:

– Слышь, парень! Не знаешь, отсюда до Углича далеко?

– Полста верст ... – пробормотал тот.

– Полста верст? Вниз по течению? С парусом и на веслах? Соли-идно... Как мыслишь, за две недели посеем? – Ведун подмигнул замершему с отвисшей челюстью жениху и рассмеялся.

Божий суд

Углич открылся издалека: золотые кресты на куполах церквей и колоколен скребли низкие темные тучи, могучая десятибашенная крепость вознеслась на рукотворных земляных валах над россыпью приземистых избышек и колыхалась там в сизоватом мареве. Мареву поднималось от ремесленных слободок, раскинувшихся от твердыни почти на версту во все стороны и даже перебравшихся на левый берег Волги⁶. Под ударами весел ладья подошла под самые стены, к одному из центральных причалов, решительно подвалила на свободное место, одновременно сбросила сходни и канаты. Корабельщики накинули петли на причальные быки, натянули концы, а по сходням спустился на тесовый настил веселый и румяный Ясень – в суконных штанах и атласной косоворотке, в горлатной шапке и зеленом кафтане, расшитом алым и желтым катурлином⁷. На ногах его красовались красные сафьяновые сапоги, на поясе – широкий кушак из золотистого атласа. Отмытый от пота и грязи, побритый наголо и опрысканный полынным маслом, паренек выглядел натуральным княжичем – только меча на поясе не хватало.

– Эй, мил человек, кто стоянке хозяин? – окликнул Ясень мальчишку, сидящего на краю причала с удочкой. – Скажи, гость торговый место нанимает!

Тот отложил снасть и побежал по тропинке к городу.

Среди товаров, что везли кривичи, нашлось достаточно добра, чтобы празднично нарядить всех гребцов, и теперь никто и в мыслях не смог бы допустить, что всего несколько дней назад это были несчастные, забитые рабы без надежд на будущее. Теперь это были солидные гости, богатые и желанные.

– Ну что, дружище, дерево свое заветное покажешь? – спросил ведун. – Может статься, Любава уже там, очи свои проглядывает, за Волгою следя?

– Конечно, покажу, Олег, – счастливо улыбнулся Ясень. – Токмо хозяина причала дождусь. Расплачусь за стоянку. О деле забывать нельзя. Все же я ныне за все в ответе.

Освободившиеся невольники выбрали его за старшего единогласно. Не за какие-то особые заслуги, разумеется, а чтобы перед невестой молодой купец выглядел богаче и солиднее. Историю паренька гребцы знали наизусть и потому всею душой болели за него и его счастье.

– Ну, давай подо...

Внезапно у ведуна словно рвануло нутро железными клещами, он ощутил на миг неведомость, стремительное падение в пропасть, на рельсы железной дороги. Руки оказались связанными за спиной, прямо перед глазами – лицо девушки.

– Как к тебе попасть?! – выкрикнула она. – Где мое золото?

– Роксалана? – изумился Середин.

– Где ты, где золото?! Говори! Ну же, быстрее!

– Как ты меня нашла? Что происходит? – все еще не мог понять Олег, и внезапно его что-то дернуло за ступни, упруго затормозило над самой землей, швырнуло обратно вверх.

– Говори же, Олег! Ну! Говори! Я ведь тебя все равно достану!

Тело вскинулось, стало падать обратно, почти сразу тормозясь.

«Ничего страшного, тарзанка...» – мелькнуло у него в голове, сознание снова «поплыло» – и Середин пришел в себя, дергаясь на траве в мелких судорогах.

⁶ По общепринятой истории мы знаем, что Углич был основан в 937 году князем Яном Плесковичем. Из нее же известно, что прежде, чем «основать» Углич, князю пришлось его завоевать. По данным археологов, на тот момент в городе уже имелось два христианских храма: каменный – на месте современной церкви Димитрия на крови, и деревянный – на месте Богоявленского собора.

⁷ Катурлин – цветные нитки для вышивания.

– Что с тобой, новичок? – вокруг него сгрудилось несколько гребцов. – Ты чего кричишь? Что случилось?

– А я еще и орал? – уточнил с земли Середин.

– Еще как! Словно смерть саму увидел...

– Лучше бы смерть... – сглотнул, поднимаясь, ведун. – С нею хоть договориться можно.

– Ты как? – заботливо поддержали Олега несколько рук.

– Все хорошо... Токмо, пожалуй, я ныне с вами не пойду. На постоянный двор какой-нибудь устроюсь, немного отлежусь.

– Так давай проводим...

– Не нужно, други. Не такой уж я и больной. Не пропаду. Ступайте. Там, может статься, Любава вся извелась.

– Точно все хорошо? – переспросил Ясень, однако нетерпение паренька тут же прорвалось наружу: – Тогда мы пойдем, да?

– Идите, идите, – еще раз кивнул Середин. – Дальше я сам.

Гребцы потоптались рядом еще чуток, а потом вслед за товарищем устремились по идущей вдоль крепостного вала широкой тропе. Увидеть красотку, из-за которой случилось столько событий, хотелось всем. Или почти всем: на борту ладьи остались Липичок и Станислав. Они были не местные, из Олонца, так что в город особо не рвались, а за кораблем в любом случае кому-то следовало присматривать.

Проводив корабельщиков взглядом, Сирень спросила:

– Что это было, колдун?

– Ты про мой приступ?

– Разве это был приступ? – удивилась юная ведьма. – Ты боишься признать, что у тебя есть враги сильнее тебя? Или ты думаешь, я не отличу чародейства от обычной хвори?

– Да никакой это не враг, Сирень. Самое обидное, что она даже не гадалка, – вздохнул Олег. – Просто упертая самовлюбленная девица. Так просто она от меня теперь точно не отвяжется. Раз слабину нащупала, будет бить в нее раз за разом, пока своего не получит. Спасибо, на этот раз хоть в спокойный момент прихватила. Не в сече, не на лестнице, не на порогах речных. Но хорошего все равно мало.

– Чего она хочет?

– Золота, Сирень. Почти всегда люди хотят только золота.

– Что будешь делать?

– Сейчас? Постояльный двор какой-нибудь для нас найду, на перине отосплюсь, в баньке попарюсь. Отдохну дня три, а опосля кораблик какой до Костромы найму.

– А смертные, которых ты освободил? Ты не хочешь забрать их с собой?

– Зачем? Они дома, пути торговые отсюда почти все на Волгу завязаны. Нам же с тобой нужно в Пермь, – ответил ведун и вспомнил про одну странность: – Кстати, а почему тебя купцы-разбойники не тронули? Даже не связали!

– Не знаю, – пожала плечами ведьмочка. – Когда ты упал... Там, на берегу... Они спросили, спала ли я когда-нибудь с мужчиной? Я сказала, что нет. А они сказали, что за невинную девушку цена в Персии выше будет, и велели идти на лодку. Я пошла. Они сказали, чтобы я вела себя тихо и не пыталась убежать, и тогда меня никто не обидит. Я сказала: «Хорошо». А почему ты не потребовал с корабельщиков плату за освобождение?

– Не по обычаю выйдет. Я русский. Русские воины освобождают рабов по совести, а не ради прибыли. Хотя довольно часто эта привычка выходит нам боком. Подожди, я сейчас...

Середин сходил на ладью, забрал свой тяжеленный заплечный мешок с оружием, броней и припасами, второй – с походным снаряжением, вернулся на причал и нос к носу столкнулся с худошавым высоколобым иноземцем в бордовом плаще – на Руси любители брить лицо встречались редко. Чужак вперился в него таким внимательным взором, что Олег остановился:

– День добрый. Мы знакомы?

– Еще нет... – прошептал чужак. – Кто ты?

– Путник, – кратко ответил ведун, которому не понравился тон незнакомца. – Дорогу дай. Иноземец посторонился. Середин шагнул мимо и кивнул девочке:

– Пойдем, дочка. Велимош сказывал, хороший двор за мостом через Селиванов ручей стоит. Скажем хозяину, что родич вернулся, – глядишь, скидку сделает. Мелочь, а приятно.

Постоялый двор за мостом от крепости и вправду оказался добротным – просторным, с двумя жилыми домами, обширными амбарами и конюшнями. Комнаты тут были просторные и недорогие, готовили прекрасно. Оставив в светелке вещи и юную ведьму, Олег как раз успел откусить заячьи почки на вертеле, вчерашние щи и щуку в лотке, когда в почти пустой обеденный зал вломились пятеро ратников во всем вооружении: в броне, в шлемах, со щитами и обнаженными мечами, и решительно направились к ведуну:

– Ты, что ли, на ворованной ладье приплыл? А ну, подь с нами! Князь на суд кличет...

– Чего, у них еще и ладья краденая? – ничуть не удивился наглости кривичей Середин. – Вот архаровцы!

– Давай, вставай! – грозно рыкнул ратник со свекольным носом: красным, большим и рыхлым. – Князь ждет!

– И что за князь у вас ныне посажен? Наместник али родич Русскому?

– Князь Родовлад ныне у нас, племянник супруги его... – пояснил другой воин, помоложе.

– Тебе что за дело? – перебил свеклоносый. – Вставай, сказано, пока не повязали!

Ведун все еще колебался – уж очень грубо звали, не к добру. Однако решил, что драка с княжескими дружинниками ему ни к чему – вместо отдыха придется ноги уносить, да еще и за врага в уделе здешнем считать будут, – и поднялся:

– Ну, коли племянник, тогда уважу. – Он подтер куском хлеба оставшийся в лотке соус, сунул в рот и поднялся: – Веди.

Детинец Углича был под стать богатому городу: пахнувший медом и свежим сеном, с двойными дубовыми стенами пяти сажен в высоту, с пятью башнями, три из которых были одновременно частью большой городской стены, с роскошным дворцом внутри – с высоким широким крыльцом, покрашенным в цвета индиго, с резными ставнями и наличниками, слюдяными окнами. Земля от края до края застелена тесом, привязь чурами⁸

⁸ Чур – небольшой идол, вместилище духа-хранителя. Помимо прочих обязанностей, мог быть защитником собственности и справедливости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.